

М.В. СКРЖИНСКАЯ

ОБРАЗОВАНИЕ В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ КОЛОНИЯХ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Эллинами чаще называют получивших одинаковое образование с нами, чем людей одной с нами крови. Исократ. Панегирик, гл. 49.

Древние греки впервые в мировой истории организовали всеобщее школьное обучение для детей из семей свободного населения. Древнейшие школы на территории Украины и России появились в греческих колониях, располагавшихся на северных берегах Черного моря. Начиная с V-IV вв. до н. э., в каждом эллинском государстве мальчиков в семь лет отправляли в школу, а в эллинистический период в некоторых греческих городах, например, на острове Теосе, девочки также ходили в школу (SIG. 578). При раскопках античных городищ находят множество граффити V-III вв. до н. э. Большая часть этих надписей прочерчена на сосудах и обломках керамики, реже они сохраняются на фрагментах древней штукатурки. Среди граффити встречаются письма, школьные упражнения, посвящения божествам, заметки о ценах, мерах, весах, имена владельцев и дарителей сосудов и др. Это самое яркое свидетельство о широком распространении грамотности в Элладе и ее колониях. Позже, когда папирус стал общедоступным материалом для письма, граффити на керамике почти исчезают, и мы лишаемся этого ценного источника о повседневной жизни в древности. Только в песках Египта папирус может сохраниться до наших дней, и потому нам известны некоторые упражнения, исполнявшиеся местными греческими школьниками, главным образом в первые века нашей эры.

Сочинения древних авторов и множество разнообразных надписей дают возможность узнать о роли образования в Элладе и ее колониях (Marry, 1998; Йегер, 1997). Возникновение письменности в Греции датируется VIII в. до н. э. В архаический период грамотой владели преимущественно члены аристократических семей. Они учились дома, гордились своим превосходством перед остальными гражданами и с презрением относились к простолюдинам, сумевшим приобщиться к образованию (Pind. Nem. III, 42). Выходцы из аристократических родов возглавляли вывод многих милетских колоний; часть которых располагалась на северных берегах Черного моря. Здесь, согласно «Хронике» Евсевия, древнейшее греческое поселение появилось в 647 г. до н. э. на полуострове, который теперь превратился в остров Березань, лежащий близ устья Днепра. По древнему названию реки поселение получило свое наименование Борисфен. Через несколько десятилетий милетяне основали на северных берегах Понта

Тиру, Ольвию, Пантикапей и некоторые другие колонии. Первоначально в них ведущую роль играли лидеры из среды образованных аристократов.

Граффити второй половины VII- VI вв. до н. э. свидетельствуют о том, что в числе первых поселенцев здесь были грамотные люди (Яйленко, 1982, с. 148). Им принадлежат древнейшие в Северном Причерноморье надписи, нанесенные острым предметом на керамические сосуды. Особую ценность представляет найденный на Березани фрагмент ионийской ойнохои с уникальной надписью, от которой осталось начало имени (ΛΕΟ), написанное справа налево. Судя по шрифту, это древнейшее из известных к настоящему времени граффити не только в колониях Северного Причерноморья, но и в их метрополии Милете (Тохтасьев, 2005, с. 136, № 256). Исходя из характера начертания букв, можно предположить, что надпись на сосуде была сделана еще в Милете, и ойнохоа входила в состав имущества одного из первых образованных колонистов. О наличии грамотных людей среди колонистов, обосновавшихся в конце VII в. до н.э. на берегу Азовского моря, свидетельствует граффито на амфоре, найденной на Таганрогском поселении (Виноградов, 1991, с. 176- 179).

Начальное образование

В V- IV вв. до н. э. в Элладе и ее колониях школьное образование стало общедоступным. Его получали практически все мальчики с семи до одиннадцати лет из семей граждан и неполноправного свободного городского населения античных государств. Ведь умение читать, писать и считать оказалось необходимым для множества деловых занятий горожан. Аристотель в «Политике» (VIII, 1338 а, 15) подчеркнул утилитарную пользу грамотности, которая нужна «для ведения денежных дел и домашнего хозяйства, для научных занятий и многих отраслей государственной деятельности». Поэтому, заботясь о будущем сыновей, родители отдавали их в школу.

Начиная с V до н. э., в обязанности отца или опекуна входила забота об обучении мальчиков «музыке и гимнастике» (Plat. Crit. 12; Nom. VIII, 6; Isocr. VII, 45). В понятие музыки входили все отрасли знания, находившиеся под покровительством муз: чтение, письмо, арифметика и собственно музыка в нашем понимании. Последней приписывалось важное моральное воздействие на ребенка (Aristot. Pol. VIII, 2, 3). Считалось, что родители, не давшие мальчику достаточного образования и не обучившие его никакому полезному знанию или ремеслу, не могут жаловаться, если сын не станет содержать их в старости. Это можно иллюстрировать словами бедной женщины из драматической сценки «Учитель» (ст. 29- 30), написанной Геродом в III в. до н. э. Мать жалуется на нерадивого сына, за учение которого она с трудом вносит ежемесячную плату; она отдала его в школу, «чтобы на черный день иметь подспорье в сыне». Ведь грамота нужна для овладения многими специальностями, а мальчик пропускает занятия, и когда дед попробовал проверить знания внука, то убедился, что он читает плохо и с ошибками.

На образование детей семья выделяла в своем бюджете денежные средства, в которые входили оплата учителям, приобретение письменных принадлежностей, музыкальных инструментов и всего необходимого для гимнастических тренировок. Стоимость обучения в начальной школе, в которой обучали грамоте и счету, была невелика и доступна почти всем. Первоначально школы были только частными; социальное положение родителей не имело значения, поэтому там могли учиться дети не только граждан, но и всех свободных жителей города.

Начальная школа помещалась не в особом здании, а в комнате дома учителя или в нанятом помещении. В теплое время года учитель собирал детей в каком-нибудь удобном месте на открытом воздухе. В школе занимались одновременно дети разных возрастов; одни только начинали выводить первые буквы, а другие выполняли более сложные упражнения. Учитель сидел на высоком стуле, а дети на низких табуретках. Пока один отвечал урок, другие готовили каждый свое задание (Beck, 1975, p.14.). Обязанность учителя начальной школы ограничивалась чисто техническим обучением ребенка чтению, письму и счету; никакие воспитательные задачи перед ним не ставились. Для этого ремесла не считалась нужной какая-либо особая подготовка, просто грамотный человек вспоминал, как его самого учили в детстве.

Ученик имел письменные принадлежности двух видов, поскольку у греков и римлян существовало две разновидности письма: нанесение букв острием на воск, керамику, свинец, камень, дерево и написание их краской или чернилами. От первого способа сохранились граффити, вырезанные на керамике, штукатурке и на свинцовых пластинках. При втором способе использовались чернила и тростниковое перо для письма на папирусе или пергаменте. Иногда чернилами писали на деревянных табличках и стирали написанное мокрой губкой. К этой разновидности письма относятся также дипинти, надписи, выведенные кисточкой на керамике. Чаще всего это были цифровые и буквенные обозначения на амфорах; так отмечали объем сосуда, стоимость и наименование содержавшегося в нем вина или оливкового масла (Сапрыкин, Масленников, 2007). К дипинти можно отнести написанные красной и черной красками имена присяжных на черепках, уцелевших на руинах здания суда, находившегося на центральной площади Ольвии (Леви, 1985, с. 94). В этой технике исполнены жителями Херсонеса и Тиры надписи белой краской на глиняных кубках, римского времени; их использовали на религиозных церемониях в честь разных богов (Зубарь, 1994, с. 384- 386;).

Для обучения первому виду письма греки и римляне давали ребенку натертые воском таблички и деревянную, костяную или металлическую палочку, заостренную с одной стороны, чтобы чертить буквы, и утолщенную с другой, чтобы разравнивать воск и тем самым стирать то, что было написано ранее. Такая палочка называлась по-латыни стилем. Гораций (Sat. I, 10, 72) советовал чаще оборачивать свой стиль, то есть стирать и редактировать написанное.

Из античной практики использования этого орудия для письма происходит современное значение слова стиль.

Греческие мастера изготавливали многие письменные принадлежности (деревянные таблички, стили, воск, порошок для чернил; рис. 1). Папирус же в виде отдельных листов и свитков привозили из Египта. Сначала он был очень дорог, но с эллинистического периода стал доступен широким слоям населения. Ребенок из состоятельной семьи мог иметь стиль и таблички из дорогих заморских сортов дерева, бронзы или слоновой кости, но большинство таких школьных принадлежностей делали местные ремесленники из обычного дерева или кости.

Деревянные стили редко сохраняются в земле, а костяные и бронзовые археологи находят достаточно часто во всех частях античной ойкумены, в том числе и в Северном Причерноморье (Петерс, 1986, с. 60-61). Деревянные таблички по той же причине уцелели в единичных экземплярах, зато их изображения встречаются нередко на произведениях греческого и римского искусства. Такова, например, фреска из Помпей: художник нарисовал девушку, держащую в руках несколько связанных табличек и стиль, который она в задумчивости приложила к губам (рис. 2). На одной эллинистической ольвийской терракоте можно увидеть диптих (двойную табличку): развернув его на коленях, человек в плаще что-то пишет на нем (Худяк, 1940, с. 77). Эта терракота хорошо иллюстрирует манеру греков писать не на столе, как принято теперь, а положив таблички на колени. Таблички имели прямоугольную форму с приподнятыми краями, до уровня которых наливали расплавленный воск, а затем разглаживали его небольшим металлическим скребком трапециевидной или сердцевидной формы. Их изредка находят при раскопках в Северном Причерноморье (Кадеев, 1989, с. 56). Воск на табличках меняли, вероятно, каждый месяц; это делал раб-педагог, а в бедных семьях сами родители (Herod. Mim. III, 15).

В отверстия на краях табличек продевали шнурки или ремешки, которые соединяли несколько таких дощечек. Две связанные таблички назывались диптихом, три – триптихом, четыре и более – полиптихом. В библиотеке Лейдена хранится полиптих II- III вв. н. э. из семи букowych табличек почти квадратной формы. На первой табличке учитель округлыми ровными буквами написал стих из поэмы Гесиода «Труды и дни», а на остальных ученик с ошибками и пропусками записал басни Бабрия (Борухович, 1976, с. 25). Таблички с детства становились необходимой принадлежностью всякого грамотного человека. На них писали письма, делали заметки на память, ораторы и ученые писали на них черновики и редактировали свои произведения, и только после этого сочинение записывалось на листы папируса.

Книги в начальной и средней школе не составляли необходимой принадлежности учеников. Античная книга, представлявшая собой свиток из папируса, была хрупкой и не могла служить ежедневным учебным пособием. Ведь всем известно, как быстро в руках детей изнашиваются даже гораздо более прочные современ-

ные учебники. Кроме того, особенно в архаический и классический периоды, книги были слишком дороги для большинства учеников. Дети видели книги лишь в руках учителя. Он, как только ученики овладевали письмом, давал переписывать, а чаще диктовал нужные отрывки из тех или иных сочинений. Дети записывали их на свои восковые таблички, а начиная с эллинистического периода, многим стали доступны для этих целей и листы папируса дешевых сортов.

Овладение грамотой в античности требовало гораздо больше усилий и времени, чем сейчас. Сначала ученик заучивал наизусть в алфавитном порядке названия букв (альфа, бета, гамма и т.д.); это затрудняло дальнейшее обучение чтению и письму, так как ребенок запоминал не звуки, как это делают теперь. Зато такой метод помогал обучению счету, так как греки и римляне обозначали цифры буквами, поэтому ученик параллельно запоминал цифровое значение букв: 1 - альфа, 2 - бета, 3 - гамма и так далее. Процесс обучения письму можно проследить на многих граффити, найденных в Северном Причерноморье (Яйленко, 1988, с. 55-59). Древнейшие из них датируются архаическим временем, и некоторые написаны в старинной манере бустрофидон (Яйленко, 1988, с. 57), то есть в направлении, как пашет бык, прокладывая борозду сначала вперед, затем поворачивая назад; на таких надписях буквы в первой строке идут в одну сторону, а в следующей в другую и далее попеременно строки чередуются таким образом.

На обломках чернолаковых сосудов из Феодосии и на ручке амфоры из Тиры нанесены все или почти все буквы алфавита с некоторыми ошибками (рис. 3, № 1, 8, 9, 10). Сходные алфавитные упражнения найдены при раскопках жилых кварталов Ольвии (Русяева, 2010, с. 128-125, табл. 44, 5) и на усадьбе в ее ближайших окрестностях, но по большей части они пока не опубликованы. Чтобы научиться писать ровно, дети писали буквы по линейкам, разлинованным учителем на воощенных табличках (Plat. Prot. 326). На черепках ученики сами расчерчивали сетку для букв (рис. 3, № 3-7). На обломке черепицы V-IV вв. до н.э. из Тиры алфавит вписан в разлинованные ячейки (рис. 3, № 3). Учитель перечеркнул это упражнение, так как в нем было допущено несколько ошибок: ученик не дописал последнюю букву омегу, вместо дзеты второй раз поставил дельту и пропустил сигму.

Граффито IV-III вв. до н. э., обнаруженное в окрестностях Ольвии, представляет четыре строчки упражнения на написание букв Δ и Ε (рис. 3, № 18). В первой строчке наряду с буквой Ε прочерчено пять черточек, которые указывают, что ученик запоминал эпсилон как обозначение цифры 5. Для цифр употреблялись также буквы, уже не включавшиеся в алфавит классического и более позднего времени. Такова буква вау на граффити эллинистического времени из Тиры; она означала число 6, а также буква сампи (Ϟ) на граффито V-IV вв. до н. э. из Ольвии (Яйленко, 1988, с. 58-59).

В VII-V вв. до н. э. алфавиты в разных греческих городах имели свои особенности. Лишь в эллинистический период повсеместно утвердилась единая милетская алфавитная система. Изначально она была принята в милетских колониях

Тире, Ольвии и городах Боспора. В Херсонесе, дорийской колонии, найдены граффити, написанные мегарским алфавитом в первой половине V в. до н. э. Наряду с ними там обнаружены надписи, выполненные ионийским алфавитом (Виноградов, Золотарев, 1999, с.107- 111). Наверное, в это время в Херсонесе еще не было начальной школы, детей учили грамоте дома, и надписи отразили этническое происхождение их авторов.

Со времени возникновения в Элладе начальных школ на исходе периода архаики методы обучения грамоте и чтению мало менялись на протяжении всей античности. Поэтому сведения Дионисия Галикарнасского, жившего в I в. до н. э., вполне подходят для интерпретации ученических граффити из Северного Причерноморья классического и эллинистического времени. В сочинении «О Демосфене» (гл. 52) Дионисий писал: «Сначала мы заучиваем названия букв, затем их фигуру и значение, после чего слоги и их свойства, то есть их ударение и правильный выговор, их роды и склонения. Когда мы это выучим, то начинаем читать и писать слог за слогом и сначала медленно».

Целый школьный урок читается на горле амфоры III в. до н. э. (Яйленко, 1982, с. 306), найденной на острове Березань. Сначала школьник вырезал свое имя Фок и повторил первую букву имени. Потом сделал упражнение на слог «как», написав его несколько раз и отделяя один слог от другого точками. Здесь запечатлен известный по описаниям античных авторов прием обучения грамоте по слогам. Затем школьник вырезал слово τῆλοι (письмена), а ниже выполнил упражнения, в которые входили слова из двух или трех букв: ὄς (кабан), ὄς (как), μύς (мышь). Он писал некоторые слова в именительном и в родительном падежах, сделав две ошибки, и закончил упражнение более длинным словом ἐλκοῦρις (помощь). Похожие упражнения обнаружены среди граффити других греческих полисов, и это подтверждает сходство приемов обучения грамоте во всем греческом мире (Яйленко, 1982, с. 306- 307).

Подобно взрослым мужчинам, мальчики проводили большую часть светлого времени дня вне дома – в школе и на палестре, площадке для гимнастических упражнений и борьбы. Туда дети отправлялись на рассвете (Thuc. VII, 25; Plat. Nom. 808), то есть в то же время, когда взрослые принимались за работу. В более или менее состоятельных семьях к мальчикам приставляли специального раба, называвшегося педагогом, буквально «водителем ребенка». Он весь день присматривал за своим подопечным: провожал в школу или на тренировку на палестре, нес его вещи, в темноте освещал дорогу факелом а также следил за опрятным видом и поведением (Plat. Leg. VII, 494, d, e; Aristot. Pol. II, 12). Мальчик должен был спрашивать его разрешение, если желал посетить любое место вне дома. Например, подросток Демосфен с согласия своего педагога ходил на судебный процесс, на котором выступал славившийся в то время оратор Каллистрат (Plut. Dem. 5). В обязанности педагога входило также обучение ест так, как принято в приличном обществе: брать рыбу, мясо и хлеб двумя паль-

цами, держать хлеб в левой, а мясо в правой руке, не таскать лакомств у родителей, правильно надевать плащ и завязывать сандалии (Уссинг, 1899, с. 51-55). За любую провинность педагог мог побить мальчика, поэтому на картинах аттических ваз его изображали рядом с ребенком обязательно с палкой в руке. Хороший педагог был редкостью, так как часто эту функцию поручали уже ни на что не пригодному рабу; некоторые педагоги из пленных варваров даже плохо говорили по-гречески (Plat. Lys. 223). В бедной семье к ребенку не могли приставить специального раба. В упомянутом сочинении Герода «Учитель» мать жалуется на то, что сын пропускает уроки в школе, убегая играть в азартные игры. Из этого ясно, что при нем не было педагога, смотрящего за дисциплиной.

Учитель начальной школы, как и педагог, применял телесные наказания. В Берлинском музее хранится табличка с тщательно выведенной учителем надписью, которую ученик затем повторил четыре раза: «Будь трудолюбив, мальчик, если не хочешь плетки» (Марру, 1998, с. 219). Учитель наказывал нерадивых учеников не только по собственной инициативе, но и по просьбе родителей сек их плетью, так что спина становилась «пестрее змеи» (Herod. Mim. Ш, 60-63, 92). На аттических вазах есть изображения детей, которых бьют палкой или сандалией; иногда на теле мальчика нарисован отпечаток сандалии как след побоев (Веck, 1975, р.44-45).

Приступая к чтению связанных текстов и написанию более или менее длинных фраз, учитель обычно брал выдержки из произведений Гомера и других эпических поэм (Марру, 1998, 219). Два граффити V в. до н. э. из Ольвии подтверждают, что в Северном Причерноморье дети со школьных лет запоминали многие стихи из эпических поэм. На обломке чернолакового килика процарапан стих из «Одиссеи»: «От Илиона унеся меня, ветер к киконам пригнал» (Яйленко, 1980, с. 68, № 33). Другая частично сохранившаяся надпись на черепке исполнена неумелой рукой и с ошибкой; ученик написал два начальных стиха «Малой Илиады»: «Я Илион пою с Дарданией, конями прекрасной, // Ради которой страдали данайцы, слуги Арея.» (Виноградов, 1969, с. 142).

Математика в начальной школе исчерпывалась изучением количественных и порядковых числительных, умением их складывать и вычитать, а также знанием дробей по двенадцатиричной системе, которая употреблялась в греческой системе мер и весов. Для цифр в эллинистический период окончательно установились 27 символов: 24 буквы алфавита (альфа – 1, бета – 2 и так далее) плюс вышедшие из употребления дигамма, обозначавшая 6, копа – 90 и сампи – 900. В античных государствах Северного Причерноморья эти старинные буквы для цифр учили в начальной школе; в одном ольвийском упражнении на написание алфавита вырезана буква сампи, занимавшая в милетской цифровой системе последнее место после омеги (Яйленко, 1982, с. 58).

27 букв делились на три ряда чисел. Первый соответствовал единицам, второй десяткам, третий сотням. Тысячи обозначали йотой подписной, написанной слева. Так можно было написать числа от 1 до 999 999. Учитель обучал

считать на пальцах двух рук. Цифры соответствовали взаимному расположению пальцев, а также различным способам их сгибания и соприкосновению с ладонью (Марру, 1998, с. 220).

Уровень грамотности у сельских жителей был гораздо ниже, чем у городских, что можно объяснить меньшими практическими потребностями в чтении и письме. Хорошо известен рассказ о неграмотном афинском крестьянине, попросившем Аристиду написать его имя на черепке, где записывали подлежащих изгнанию граждан (Plut. Aristid. 7) Не случайно подавляющее большинство граффити со школьными упражнениями найдено при раскопках городских кварталов. Единичные подобные находки на загородных усадьбах не указывают, как думают некоторые исследователи, на обучение за пределами города. Конечно, грамотный отец мог заняться обучением сына, но это требовало много времени, и проще было отдать ребенка в городскую школу. Найденные же на хоре упражнения, вероятно, выполнены как домашние задания; ведь у более или менее состоятельных землевладельцев дома были и в городе, и за его пределами. Достаточно вспомнить «Экономику» Ксенофонта, описавшего образцового хозяина Исхомаха, который постоянно ездит на коне из города в свою усадьбу наблюдать за производящимися там работами.

В заключение скажем несколько слов о чтении в античности. Им было гораздо труднее овладеть, чем сейчас, поэтому обучение в начальной школе длилось 4 - 5 лет. Ведь в тексте слова не отделялись одно от другого, знаки препинания ставились редко, так что нужно было самому определить, где оканчивалось то или иное слово и предложение, а также, где начинался и кончался тот или иной грамматический оборот (рис. 9, 15, 16). Если же перед читателем были стихи, то требовалось уловить их размер, особенно трудно это было в драматических произведениях, где варьировалось несколько размеров. Такие навыки имели лишь хорошо образованные люди, а человек с начальным образованием мог разобрать небольшой текст, например, законы и декреты, которые составлялись по определенным правилам и формулам, бывшими на слуху. Он мог делать для себя небольшие деловые заметки, писать незатейливые письма. Вот пример такого письма, написанного на обломке краснофигурного сосуда жителем одного из городов Северного Причерноморья (На краю ойкумены, 2002, с., 37, № 79): «Родон приветствует Герака. Получил» (рис. 4). Что получил Герак от Родона для нас остается тайной, но на этом примере видно применение письма в ежедневной жизни.

Средняя школа

В процессе обучения в средней школе ученики посещали трех разных наставников: учителя литературы, называвшегося грамматиком, кифариста, обучавшего музыке и пению, и педотриба, тренера разных видов атлетики. Так греки стремились гармонично развивать умственные и физические способности, начиная с детских лет. Поэтому в школьную программу, наряду с изучением гу-

манитарных и естественных наук, входило обучение музыке и занятия разными видами спорта. Когда в эллинистический период многие города стали нанимать учителей на общественные деньги, привилегией получения бесплатного образования пользовались дети граждан. Например, из уцелевших античных надписей известно, что Милет оплачивал четырех учителей и стольких же атлетических тренеров (Jones 1940. p.222). Однако существование государственных школ не исключало наличия частных.

О средней школе в античном Северном Причерноморье можно судить лишь по косвенным данным. Одна эпитафия из Пантикапея римского времени (КБН № 706) позволяет узнать о заботе государства об образовании. Там написано, что стелу на могиле боспорянина Иода, поставил Согам, сын Юлия Деметрия, заведующего школой (‘ο ἐπί τοῦ παιδαγωγίου). В боспорских надписях формула, начинающаяся с ‘ο ἐπί относится к государственным должностям. По-видимому, в обязанности этого магистрата входили наем учителей, наблюдение за их деятельностью и определение круга учеников, имеющих право получить образование за государственный счет.

Несколько известных древнегреческих писателей дают возможность считать, что грамматики, преподававшие в средних школах античных городов Северного Причерноморья, имели достаточно высокий уровень образования. В IV в. до н. э. боспорянин Сопейд поступил в Афинах в высшую риторическую школу Исократ (Dionys. Halic. Isocr. 18), для чего требовалась хорошая гуманитарная подготовка, которую он получил в школе на родине. То же самое можно сказать и об уроженцах Ольвии и Боспора, отправлявшихся в III- II вв. до н. э. в Элладу ради занятий философией у известных в то время философов (Diog. Laert. II, 113; IV 46-47; VII, 37, 177-178, 185). Ведь для этого требовались разнообразные знания, входившие в программу хорошей средней школы. Показателен в этом отношении рассказ о философе Ксенократе, ученике Платона. «Одному человеку, который не знал ни музыки, ни геометрии, ни астрономии, но желал стать его учеником, он ответил так: «Ступай прочь: тебе не за что ухватить философию», а по другим известиям так: «У меня здесь не шерстобитня!» (Diog. Laert. IV, 2, 10; перевод М.Л. Гаспарова).

В круг среднего образования греков входили, наряду с гуманитарными предметами, геометрия и астрономия. Сократ подчеркивал их практическую пользу для каждого гражданина (Xen. Mem. VII, 3-4). Геометрия в ее первоначальном значении «измерения земли» оказывалась необходимой при купле, продаже и закладе земельных участков и в спорах о границах земельных наделов; знание же звездного неба использовалось для определения времени ночью, для установления сроков сельскохозяйственных работ, начала и конца навигации, смены караула у стен и ворот города и так далее.

В средней школе большое внимание уделялось литературе, в курс которой обязательно входило изучение эпических поэм и стихов древних поэтов (Алкей,

Сафо, Архилох, Пиндар, трагедии Эсхила, Софокла и Еврипида и др.). В их сочинениях встречалось множество слов и оборотов, не употреблявшихся в повседневной речи; учитель объяснял их значение и показывал, как перевести на современный язык. К пониманию классических произведений готовились уже в начальной школе, включая в упражнения по письму редкие слова, свойственные языку поэтов, а также имена божеств, героев и географические названия из трудов классиков (Марру, 1998, с. 233-234). Этим можно объяснить, почему в одном ольвийском школьном упражнении читается наименование расположенного во Фракии города Абдеры. Ученик сделал в нем ошибку, написав ϵ вместо η , учитель исправил и велел ученику еще дважды рядом прочертить правильную букву (Яйленко, 1980, с. 96).

Благодаря школьным навыкам рядовому греку даже в римское время был доступен язык древних поэтов. Ведь в театрах многих греческих городов устраивались мусические состязания, на которых соревновались рапсоды, исполнявшие эпические поэмы, и ставили трагедии V-IV до н. э. В III в. до н. э. Герод писал драматические сценки из окружающей жизни, используя, вероятно для комического контраста, архаизированный ионический диалект и стихотворный размер холиямб, введенный в VI в. до н. э. ионийским лириком Гиппонактом.

Заложенные в школе знания классической поэзии можно различить в стихотворных эпитафиях, написанных поэтами в Северном Причерноморье. В них встречаются слова, употреблявшиеся лишь в поэзии (Шкорпил, 1914, с. 71-75; Денисова, 1988, с.251-256), и эпические формы падежей в некоторых словах (Доватур, 1965, с. 811).

Знание произведений многих поэтов входило в число обязательных атрибутов образованного человека. Недаром произведения античных авторов пестрят стихотворными цитатами. Ведущее положение среди них принадлежит Гомеру. Особое внимание и любовь к его поэмам воспитывалось со школьных лет. Неудивительно, что среди уцелевших папирусов со стихотворными произведениями первое место занимает «Илиада», далеко опережая все прочие (Борухович, 1976, с. 76- 77). В «Пире» Ксенофонта (I, 3) Никерат рассказывает, как его отец, заботясь о том, чтобы из сына вышел хороший человек, заставил его выучить всего Гомера; и, будучи взрослым, он мог наизусть прочесть всю «Илиаду» и «Одиссею». Дион Хрисостом, живший на рубеже I-II вв. н.э., в одной из своих речей говорил, что Гомер «является началом, серединой и завершением всего; и мальчику, и мужу, и старцу он дает то, что каждый в силах взять у него» (XVIII, 6). Показателен в этом смысле рассказ Плутарха из его «Застольных бесед» (IX, 2). Речь идет о разрушении Коринфа римлянами в 146 г. до н.э., после чего все жители города были обращены в рабство. При продаже грамотный раб ценился выше безграмотного. Поэтому римский полководец Муммий, знакомясь с пленными детьми, предложил каждому грамотному написать на память по стиху; один мальчик написал стих из «Одиссеи» (V, 306): «О, троекратно блаженны

данаи, погибшие в Трое». Так устами Гомера он выразил свои чувства униженного пленника, обреченного на рабство. Мумий был тронут до слез и распорядился отпустить из плена всех близких этого мальчика.

О том, что многие ольвиополиты в I в. н. э. знали наизусть «Илиаду», написал Дион Хрисостом (XXXVI, 10), а об их знакомстве с «Одиссеей» свидетельствует уже упомянутый выше чернолаковый черепок V в. до н. э., на котором процарапан стих из этой поэмы. Две надписи римского времени из Пантикапея также указывают на то, что на Боспоре знали поэмы Гомера. В одной эпитафии (КБН. № 136) местный поэт сравнил смерть воина Левкия, погибшего среди варваров, с «троянским Гектором, павшим среди передовых бойцов». Ученик, тренируясь в исполнении надписей на камне, вырезал на известняковой плите слова «продвинулись звезды», это часть 252-го стиха из десятой песни «Илиады» (КБН. 150).

Эпос изучался в школе не как литературный шедевр, а как учебник об идеальных героях, которым следует подражать и по мере сил приблизиться к ним по доблести, снискать славу при жизни и заслужить благодарную память своих сограждан. Для греков Ахилл служил идеалом героя, который предпочел долгую и тусклую жизнь ради краткой, но героической, создающей ему заслуженную славу при жизни и после гибели. Боспорский поэт в I в. до н. э. в эпитафии Аполлония, павшего от вражеской руки, описывает покойного как воплощение именно такого идеала: «Тебе, Аполлоний, и прежде была положена почетная слава, и теперь после смерти воздается всяческая почесть» (КБН. 119). Такое отношение к жизни было весьма актуально в Ольвии, подвергавшейся в эллинистический и римский периоды постоянным нападениям со стороны своих соседей. Этим можно объяснить, почему ольвиополиты предпочитали Гомера другим поэтам, а перед сражениями их воодушевляли стихи из «Илиады» (Dio Chrys. XXXVI, 10).

В эллинистический период в средней школе к изучению поэзии присоединились прозаические произведения историков и ораторов. Ученики учились ценить речи, написанные или произнесенные убедительно и красиво. Дион Хрисостом (XXXVI, 16) подчеркнул в ольвилополитах это качество, присущее всем грекам: «Городские ворота были уже заперты накрепко и на стене был поднят боевой знак. Однако все присутствующие были такими любителями послушать речи, настолько греками до мозга костей, что почти все горожане, уже вооруженные, сбежали сюда и хотели послушать, что я буду говорить... Все ринулись к храму Зевса, где они обычно собирались на Совет. Старейшие и наиболее уважаемые граждане уселись в круг на ступенях, а вся толпа стояла возле храма – перед ним была большая открытая площадь.» (перевод М.Е. Грабарь-Пасек).

Греки видели в поступках героев эпических поэм руководство к действию в разных жизненных ситуациях. В школе учитель, комментируя «Илиаду», выделял в ней наставление подросткам стремиться стать первым в любом роде деятельности. «Всегда быть лучшим и превосходить других»: таково было главное

напутствие Пелея Ахиллу; с теми же словами обращался Гипполох к своему сыну Главку (II. VI, 208; XI, 784). Так с детства воспитывалось соревновательное начало, долгое время игравшее ведущую роль в жизни греков (Зайцев, 2001, с.106- 143). В школе отсутствовали экзамены, но время от времени устраивались соревнования в чтении стихов, игре на музыкальных инструментах, а на палестре состязались в различных видах спорта и танцах. Агоны проводились во время разных религиозных праздников, на которых дети выступали наряду со взрослыми. К числу таких праздников принадлежали Апатурии, которые справлялись в ионийских колониях Северного Причерноморья так же, как и во всех ионийских городах. Афинянин Критий в диалоге Платона «Тимей» (гл. 21) вспоминает, как он в возрасте десяти лет читал стихи на этом празднике, и лучшим исполнителям вручали награды.

Наиболее ярко дух состязания проявлялся во время занятий атлетикой на палестре и в гимнасии. Первая могла принадлежать и частному лицу, а гимнасий был общественным сооружением. О содержании такого здания и о занятиях в нем заботилось государство, назначая особого магистрата гимнасиарха. Обычно это был состоятельный человек, тративший на гимнасий не только общественные, но и собственные средства. Остатки зданий гимнасиев, которые упомянуты в уцелевших надписях, найдены в Ольвии, Херсонесе и Фанагории (IOSPE I². 40, 186, 418; КБН. 991), а о наличии их в Пантикапее, Горгиипии и Танаисе свидетельствуют только древние надписи (КБН. 90, 103, 129, 823, 1140, 1264, 1265, 1277-1280, 1287, 1288). Безусловно, гимнасии существовали в таких крупных северопричерноморских городах, как Тира, Феодосия и некоторых других; но о них отсутствуют письменные и материальные свидетельства.

В древности справедливо считалось, что тренировки на палестре и в гимнасии служат не только средством для укрепления здоровья и поддержания должной физической формы, необходимой для защиты отечества от врагов, но и, как писал Лукиан (Anach. 13), «чтобы не становиться от праздности насильниками» и заполнить с пользой свой досуг. Тренеры устремляли в нужном направлении энергию молодежи, а граждане старшего возраста постоянно приходили посмотреть на тренировки и соревнования. На палестре, кроме занятий разными видами атлетики, обучали танцам и различным играм, например, с мячом. Платон считал, что не способный участвовать в хороводе (то есть танцевать и петь) не является по-настоящему образованным человеком (Plat. Leg. II, 654 a, b). Плутарх в «Застольных беседах» (Mor. 747 a-b) описал присуждение наград мальчикам-победителям в пляске. Судьями были учитель гимнастики и брат писателя, «который сам превосходно плясал пирриху» и в отрочестве на палестре «выделялся грациозностью среди всех своих сверстников». О занятиях танцами в Ольвии красноречиво свидетельствует хранящееся в Киевском Историческом музее граффито на сосуде V в. до н. э.; его владелец с гордостью написал «и красив я в танце».

Строительство гимнасия относилось к первейшим заботам при организации нового греческого полиса. Так, в IV в. до н. э. греки из Каллатиса, переселившись в Горгиппию, недавно основанную на азиатской стороне Боспора, сразу же организовали гимнасий и стали устраивать там ежегодный праздник Гермеи (Берзин, 1961, с. 127). Здание гимнасия принадлежало к числу наиболее красивых и заметных общественных сооружений греческого города. Главное место занимал большой зал для тренировок и состязаний атлетов, к нему примыкали комнаты для раздевания, умашения маслом и посыпания песком, а также банные помещения для мытья после занятий.

Физические тренировки мальчиков начинались на палестре под руководством учителя-педотриба, а затем продолжались в гимнасии, куда допускались только дети граждан. Во главе тренеров гимнасия стоял учитель гимнастики, умевший подобрать для каждого подходящий цикл упражнений. Исполнение упражнений, предписанных хорошим учителем гимнастики, приравнивалось к лечению у врача, потому что оба они, по словам Платона (Gorg. 504), «налаживают тело и приводят его в порядок». Знаменитый врач Гален (De sanit. П, 9) писал, что учитель гимнастики должен обладать теоретическими знаниями и разбираться в физиологии человеческого организма, а педотрибы могут только наблюдать за правильным исполнением физических упражнений, предписанных учителем. Гален сравнил учителя гимнастики с опытным врачом, определяющим каждому специальное питание, а педотриба – с поваром, готовящим кушанья, но не знающим об их полезных и лечебных свойствах.

О наличии учителей гимнастики в Северном Причерноморье можно заключить, исходя из существования здесь гимнасиев. Уцелело имя лишь одного педотриба Фарнака, прибывшего в Пантикапей из Синопы в I в. до н. э. В стихотворной надписи на его надгробии говорится, что весь гимнасий оплакивал раннюю смерть Фарнака (КБН. 129). Надпись свидетельствует о том, что в гимнасиях северопричерноморских городов работали наряду с местными и приезжие тренеры, как это было вообще характерно для того времени. Таким образом, местные спортивные школы обогащались опытом тренировок в гимнасиях разных эллинских городов.

Детей сначала учили бегать, потом прыгать, а затем вводили другие виды спорта. Из них особенно ценили борьбу за то, что в ней одновременно приводились в действие все мышцы тела. В процессе тренировок подростки и юноши развивали силу и выносливость, необходимые для гражданина-защитника отечества от врагов. Кроме того, эллины стремились придать телу красоту и гармонию форм, поэтому в программу некоторых агонов входил выбор наиболее хорошо сложенных атлетов. Такие соревнования, называвшиеся *εὐεξία*, проводились в Горгиппии (КБН. 1137). На многочисленных сохранившихся памятниках античного искусства можно видеть, как выглядели лучшие атлеты в юношеском и зрелом возрасте.

Эллины занимались атлетикой и выступали на состязаниях полностью обнаженными. Об этом, кстати, напоминает и само слово гимнасий, родственное греческому прилагательному γυμνός, означающему голый, нагой. Атлеты натирали тело оливковым маслом и посыпали его измельченным песком. Прилипая к коже, песок забивал поры и предохранял от простуды, а во время натирания маслом и песком происходил массаж и разогрев перед тренировкой и состязанием. Отправляясь в гимнасий, эллин непременно брал с собой сосудик для масла, полотенце и стригиль — скребок серповидной формы, которым после занятий счищали масло вместе с прилипшими к телу песком и пылью. Эти предметы в искусстве символизировали юношу-палестрита, и их нередко изображали на надгробиях и росписях склепов, где хоронили молодых людей.

Видимо, пантикапейский атлет был погребен в склепе, стену которого украсил фризом с изображением стригиля, сосудов для масла, венков и нарядных повязок теней (рис. 5); последние напоминали о выигранных им призах (Ростовцев, 1913, с. 71, табл. 26, 27). В IV-III вв. до н. э. херсонеситы ставили на могилах юношей известняковые стелы с рельефами, на которых представлены висящие на шнурке флакон для масла (арибалл, алабастр или амфориск) и стригиль (НЭПХ. 138, 150, 159, 170, 172). При раскопках античных городов Северного Причерноморья найдено немало бронзовых, железных и костяных стригилей, а также разнообразных керамических и стеклянных флаконов для масла. Эти небольшие флаконы имеют узкое горлышко и венчик с широко отогнутыми краями (рис. 6). Из такого горлышка масло выливалось по каплям или тонкой струйкой, а венчиком его растирали по телу.

О том, какими видами спорта занимались подростки, можно судить по надписям с перечислением побед разных атлетов, ведь они начинали тренироваться с детских лет. Большинство интересующих нас надписей происходит из Ольвии и Херсонеса и относятся главным образом к римскому времени, но они отражают издавна сложившиеся традиции. На состязаниях выступали бегуны (IOSPE I². 130, 155, 186, 435, 436, 685; КБН. 1137), прыгуны в длину (IOSPE I². 130, 156), борцы (IOSPE I². 156, 434, 435), кулачные бойцы (IOSPE I². 434), метатели диска (IOSPE I². 130, 157, 158) и копья (IOSPE I². 130, 138, 157, 435; НЭПХ. 20), а также пятиборцы (НЭПХ. 127), выполнявшие все перечисленные виды упражнений, кроме кулачного боя.

Для нашей темы особый интерес представляет надпись с большим списком победителей на местных состязаниях в честь Гермеса, ежегодно проводившихся в гимнасии Горгиппии (КБН. 1137). На стеле читается не полностью уцелевший каталог имен нескольких сотен человек, завоевавших первенство в различных видах соревнований, проводившихся много лет, начиная с конца IV в. до н. э. Анализ этих имен показывает, что участники соревнований делились на четыре возрастные группы: мальчики 12-15 лет, юноши 16-17 и 18-19 лет, взрослые старше 20 лет (Берзин, 1961, с. 210-212). Таким образом, в первых двух группах

выступали ученики средней школы, а участниками старшей группы становились граждане, продолжавшие тренировки в полюбившихся им видах спорта. По этой надписи можно судить, как вырастали из мальчиков взрослые победители игр, например, призеры в коротком беге среди мальчиков через несколько лет выигрывали длинный бег в старшей группе.

Преподавание музыки входило в обязательную программу греческой школы. Платон в «Законах» (899 с- 810 а) предписывал детям наряду с обучением грамоте и счету учиться играть на лире или кифаре; философ рекомендовал начинать музыкальное образование в 13 лет, то есть сразу после поступления в среднюю школу. Аристотель (Pol. VIII, 5, 8; 1340 b) писал, что музыка входит в обязательный курс обучения, потому что она благотворно воздействует на нравственную сторону души, а в ежедневной жизни музыка - неизменный спутник свободного гражданина во время отдыха.

Детей не учили нотной грамоте, так как античные записи музыки были несовершенными, и исполнителю следовало о многом самому догадываться (Герцман, 1995, с. 303- 304). Ученики со своими инструментами садились напротив учителя, они смотрели и слушали, как он играет, а затем старались повторить мелодию под его руководством. Так учили музыке на протяжении всей античности, о чем свидетельствуют слова оратора Гимерия, жившего в IV в. н.э. (XII, 3): «Авлет обучает игре на аулосе, проигрывая сам мелодию, а кифарист играет перед своими учениками». На рисунках аттических ваз мы видим учителя с лирой и сидящего напротив ученика со своим инструментом (рис. 7).

Музыкальное образование было тесно связано с лирической поэзией, которую исполняли в архаический и классический периоды обязательно под аккомпанемент лиры или ее разновидности – барбитона. Поэтому афинский вазописец V в. до н. э. нарисовал Сафо и Алкея с барбитонами в руках (рис. 8). Стихи этих и других древних лирических поэтов учили в школе и пели вплоть до римского времени (Aul. Gel. XIX, 9).

До IV в. до н. э. школьники учились играть на лире и кифаре, а также на аулосе. Обычно в переводах его называют флейтой, хотя по звучанию этот духовой инструмент, состоявший из двух трубок с небольшими круглыми отверстиями, наиболее близок к современному гобою. Позже аулос стали исключать из обязательных школьных предметов, что отмечено уже у Аристотеля (Pol. VIII, 6, 5; 1341). Одновременно детей учили петь, чаще всего хором под аккомпанемент аулоса или солировать, самим наигрывая на струнных инструментах. В надписях многих городов упоминаются выступления детских хоров на различных праздниках.

К сожалению, мы не располагаем конкретными сведениями об обучении музыке в античных городах Северного Причерноморья. К косвенным данным об этом можно отнести находки бронзового резонатора лиры в Пантикапее и фрагментов костяных аулосов на многих городищах, а также многочисленные

изображения музыкальных инструментов на привозных и местных произведениях прикладного и монументального искусства (Скржинская, 2010, с. 343- 345). Об умении ценить хорошее исполнение музыки свидетельствуют записи античных авторов о посещении Боспора прославленными кифаристами; в театрах их игру могли услышать все граждане, а многие приближенные боспорского царя присутствовали на концертах, устраивавшихся при царском дворе (Polyaen. V, 44; Athen. VII, 41, 349).

В повседневной жизни греки широко использовали полученные в школе музыкальные навыки. Аристотель писал, что музыка неизменно сопровождает отдых свободного гражданина (Pol. VIII, 5, 8; 1340 b); а по произведениям античных авторов известно, что лира нередко звучала во время праздничных застолий, когда под ее аккомпанемент пели разные стихи. Для развлечения гостей хозяин часто приглашал профессиональных флейтисток; на вазах их постоянно изображали среди пирующих мужчин. О существовании таковых на Боспоре свидетельствует надгробие флейтистки Пасафиликаты, жившей в Мирмекии в IV в. до н. э. (КБН. 875).

Многие граждане с детских лет принимали участие в выступлениях хоров; их пение сопровождало торжественные шествия и жертвоприношения. Детские хоры состязались за первенство на музыкальных агонах. В Северном Причерноморье сохранились две надписи с не полностью уцелевшими текстами гимнов, которые пели в честь Ахилла в Борисфене (Шелов- Коведяев, 1990, с. 49- 62) и в честь Гермеса в Херсонесе (IOSPE I². № 486).

В начале существования колоний музыка в ионийских полисах Тире, Ольвии и на Боспоре отличалась от той, которая звучала в дорийском Херсонесе. Ведь тогда еще сильно различались стили музыки метрополий этих государств (Герцман, 1995, с. 346). В эллинистический период ионийским, дорийским и эолийским ладами стали пользоваться повсюду, но в каждой местности имелись свои музыкальные особенности и пристрастия.

Лучшая иллюстрация обучения в средней школе у разных учителей украшает хранящийся в Берлине аттический килик, изготовленный в первой четверти V в. до н. э. (рис. 7). Вазописец Дурис нарисовал учителей грамматики и музыки. Сидящий на стуле учитель держит папирусный свиток со словами: «Муза моя, про Скамандра текучего петь начинаю». Это начальные строки какой-то, теперь утраченной, эпической поэмы. Стоящий перед учителем мальчик, вероятно, повторяет за ним эти стихи, а, может быть, читает их наизусть. Свиток в руках грамматика развернут так, чтобы зрителю было понятно, чему он обучает своего ученика. Другой учитель словесности, держа в руках стиль, проверяет задание, выполненное учеником на воощенных табличках. Около обоих учеников сидят их педагоги с палкой, орудием наказания за провинности.

Вазописец нарисовал также учителей музыки. Один из них учит сидящего перед ним мальчика игре на лире, а другой обучает пению под аккомпанемент

аулоса. На стене класса изображены висящие всевозможные предметы, использовавшиеся в школе: корзина с книгами-свитками, футляр для аулоса, три лиры и крестообразный ключ для ее настройки. Дно этого килика украшено фигурой молодого атлета, перевязывающего сандалию. Так художник отразил третью составную часть образования греков – занятия атлетикой.

Высшее образование

По окончании средней школы лишь немногие молодые люди продолжали совершенствовать свое образование. Некоторые делали это просто из любви к какой-нибудь науке. Например, молодой ольвийский воин Каллистрат интересовался ораторским искусством и философией (Dio. Chrys. XXXVI, 8), а рано умерший боспорянин Гелиодор назван в эпитафии «любителем наук» (КБН. 125). Во II в. н. э. боспорский царь, «получивший тщательное эллинское образование», приехал в город Смирну для ознакомления с Ионией; там он заплатил, по словам Филострата, 10 талантов за возможность общения с философом Полемоном (Philostr. Vitae soph. I, 24). Вероятно, эта непомерная сумма преувеличена, но можно доверять факту общения боспорянина с философом, и вполне объяснимо желание последнего получить за это хороший гонорар. Исходя из времени жизни Антония Полемона, этим не названным по имени царем мог быть Савромат I, Котис II или Реметалк.

Начиная с V в. до н. э., наиболее известные философские школы находились в Афинах, и туда со всех концов греческой ойкумены собирались желавшие учиться у философов разных направлений. Одни посещали лекции, стремясь пополнить свое образование, другие стремились научиться жить наилучшим образом, как обещали многие учителя мудрости, и лишь немногие хотели полностью посвятить себя науке. Среди них встречались не только граждане, но и представители неполноправного населения, например, выкупленные из рабства ученик Сократа Федон и киник, уроженец Ольвии, Бион Борисфенит (Diog. Laert. II, 105; IV, 46).

По произведениям античных авторов сейчас известно, что греки из Северного Причерноморья приезжали учиться в Афины. Там в классический и эллинистический периоды существовало несколько хорошо организованных философских школ со своими традициями и местами собраний. Наибольшей известностью пользовались Академия, основанная Платоном, Лицей, основанный Аристотелем, и школа стоиков, основанная Зеноном. Первые собирались в роще героя Академа, вторые – при гимнасии в Ликее, третьи – в Пестрой стое, расписанной картинами Полигнота. Были в Афинах и другие философы, имевшие школы со своими приверженцами, например, киники и скептики. Изучавшие философию часто посещали одновременно или поочередно несколько школ. Это хорошо видно по жизнеописаниям многих философов; в их числе подобное образование получил Бион Борисфенит.

Многие философы вносили плату за обучение, да и сама жизнь чужестранца

в Афинах требовала немалых расходов. Однако не следует думать, что все приезжие были состоятельными людьми. Страстное стремление к знаниям, характерное для многих древних эллинов, заставляло преодолевать любые трудности. Это можно иллюстрировать рассказом Диогена Лаэртского (VI, 5, 168) о главе школы стоиков Клеанфе. Уроженец маленького малоазийского города Асса, он приехал в Афины всего с четырьмя драхмами. Чтобы учиться днем, он по ночам работал поденщиком: таскал воду для поливки садов и пек хлеб. Клеанфу не хватало денег на папирус, поэтому он записывал уроки Зенона на черепках и бычьих лопатках.

Античная литературная традиция сохранила имена четверых философов, выходцев из Северного Причерноморья: это ольвиополиты Бион и Посидоний, боспорянин Дифил, а также Сфер, по одним источникам боспорянин, по другим ольвиополит. Но, конечно, в Афинах обучалось значительно больше приезжих с северных берегов Понта, но они не прославились как внесшие заметный вклад в науку, и поэтому о них нам ничего не известно.

Деятельность Дифила Боспорского, старшего из упомянутых философов, приходится на вторую половину IV- начало III вв. до н. э. Он стал приверженцем Стильпона, обосновавшегося в Афинах блестящего представителя мегарской школы философии. Об этом кратко написал Диоген Лаэртский (II, 113) со ссылкой на утраченное сочинение Филиппа Мегарского. Наиболее подробные сведения сохранились о Бионе Борисфените. Он жил в первой половине III в. до н. э., что подтверждается рассказом Диогена Лаэртского о том, что Бион был поклонником учения Феодора Безбожника (330- 270 гг. до н. э.) и кончил свои дни при Антигоне Гонате, царе Македонии, правившем с 283 по 240 г. до н. э. Диоген Лаэртский посвятил ему главу в разделе о киниках (IV, 46—57), его упомянули в своих сочинениях Страбон (I, 2, 2; С.15; X, 5, С.486), Гораций (Epist. II, 2, 60) и Афиней (XIII, 61).

Бион родился в Ольвии. Его мать была гетерой, а отец вольноотпущенником, торговавшим на рынке соленой рыбой. За уклонение от налогов отца вместе со всей семьей продали в рабство. Юному Биону повезло, потому что его купил местный ритор. Заметив в подростковом возрасте большие способности, он стал обучать его своему искусству, отпустил на волю и сделал своим наследником. Видимо, от хозяина Бион впервые узнал о философских школах в Афинах и, в первую очередь, об Академии. Ведь именно туда сначала направился Бион, когда попал в Афины.

После смерти ритора неблагодарный ученик сжег все сочинения учителя, продал его имущество и на эти деньги поехал в Афины. Там сначала он стал слушателем Кратета Афинского в Академии, какое-то время посещал лекции перипатетика Феофраста. Созвучнее всего ему оказались школа киников, беседы ее выдающегося представителя Кратета Фиванского и близкого ему по духу Феодора Безбожника (Diod. Laert. IV, 22, 51).

К киникам Биона привлекало то, что многие из них, подобно ему самому, принадлежали к низшим слоям общества. Начиная с основателя кинизма Диогена, приверженцы его учения вели себя вызывающе и не признавали общепринятых норм морали. Это также отвечало характеру Биона, который в молодости так неблагодарно отнесся к памяти своего учителя и благодетеля. Несомненно, Бион был талантливым человеком, с прекрасной памятью и умением привлекать к себе многочисленную аудиторию, но в области философии он не открыл ничего существенно нового (Нахов, 1982, с. 195). Достигнув известности, Бион много путешествовал, пропагандируя кинические идеи о предпочтении бедности богатству, о безразличии к смерти, о космополитизме. По словам Диогена Лаэртского, Бион «был искусным софистом и оказал немалую помощь тем, кто хотел ниспровергать философские учения,... он умел производить впечатление на зрителей и поднять на смех, что угодно, не жалея грубых слов» (перевод М.Л. Гаспарова).

Подобно большинству бедняков, увидевших, как можно достигнуть богатства, он любил роскошный образ жизни и этим отличался от своего учителя Кратета Фиванского, отказавшегося от имущества и денег. В философских беседах Бион смягчал ригоризм киников по отношению к деньгам и владению имуществом, заявляя, что мудрец, независимо от своего материального положения, может оставаться верен идеям кинизма. В расцвете лет Бион проповедовал безбожие, но отказался от него, когда заболел и каялся во всем, в чем согрешил перед богами. Был он крайне эгоистичен, и потому к концу жизни возле него не оказалось ни учеников, ни преданных друзей.

Главное достижение творчества Биона состояло в том, что он окончательно оформил жанр диатрибы (Нахов, 1991, с. 49-67; он же. 1982, с. 195). В ней заключалась проповедь на философско-моральную тему, изложение велось в увлекательной и доступной форме, было насыщено юмором, пословицами, поговорками, необычными сравнениями, метафорами, не чуждалось грубых простонародных словечек и выражений. Знаменитый ученый александрийской школы Эратосфен сказал о Бионе, что тот первым нарядил философию в прострое платье гетеры (Diog. Laert. IV, 52; Strab. I, 2, 22).

Бионовские диатрибы имели огромный успех во всех слоях общества. Философа ценили и столь искушенные знатоки литературы и философии, как македонский царь Антигон Гонат, и простой люд, слышавший в его доходчивых словах обороты живой народной речи, рискованные шутки и остроты. После Биона диатрибу широко использовали в популярных беседах не только киники, но также стоики, представители «второй софистики», позже от греков этот жанр восприняли римляне.

Бион мастерски умел излагать свои мысли не только в прозе, но и в стихах. Он славился остроумными и меткими пародиями, нередко переходил на стихи в прозаической речи, и это шокировало образованную аудиторию, не допускавшую смешения жанров. Произведения Биона надолго пережили их автора.

Гораций в одном из своих «Посланий» (П, 2, 60) писал о «едкой черной соли» произведений Биона, которые послужили поэту образцом для его сатир.

Младший современник Биона Сфер прибыл из Северного Причерноморья в Афины в середине III в. до н. э. Плутарх в «Сравнительных жизнеописаниях» (Слеот. 2, 11; Лус. 5) назвал его Борисфенитом, то есть уроженцем Ольвии, а Диоген Лаэртский (VII, 37, 177, 178, 185) – боспорянином. Сфер вошел в число многочисленных учеников стоика Зенона (333 - 264 гг. до н. э.) и стал, по словам Плутарха, одним из лучших. Сфер познакомился со слушателями, прибывшими в Афины из разных городов Эллады, Македонии, Малой Азии и Египта.

Вероятно, Сфер приехал в Афины уже на закате деятельности Зенона, потому что он продолжил свое образование у Клеанфа и достиг, как сказано у Диогена Лаэртского, больших успехов в науках. Подобно многим философам, Сфер хотел воплотить в жизнь свои идеи; он стал учителем и советником спартанского царя Клеомена III, правившего с 235 по 221 г. до н. э. Философ помогал ему проводить реформы, направленные на уравнивание благосостояния граждан, и занимался воспитанием юношества. После поражения войска Клеомена и упразднения его реформ Сфер, вероятно, снова жил в Афинах. Ведь когда царь Птолемей IV Филопатор (222 – 205 гг. до н. э.) обратился к Клеанфу с просьбой приехать в Александрию или прислать кого-нибудь, философ избрал среди своих учеников и последователей Сфера, и тот отправился в Египет.

Многочисленные сочинения Сфера известны сейчас лишь по названиям. Они свидетельствуют, что он занимался толкованием учений Гераклита и Сократа, высказывал свои суждения о славе, богатстве, любви, страстях и смерти, писал трактаты о царской власти и спартанском государственном устройстве, труды по грамматике и др.

Последний из четырех северопричерноморских философов, софист и историк Посидоний Ольвиополит жил во II в. до н. э. Скучные сведения о нем имеются только в словаре Суда под словом «Посидоний». Там названы несколько его трудов, в том числе «Аттическая история». Это позволяет думать, что он, как и упомянутые его соотечественники, учился и жил в Афинах. Одно из его произведений было посвящено Северному Причерноморью. Название в рукописи испорчено и нуждается в исправлении. Некоторые ученые полагают, что в сочинении Посидония говорилось о Тире и ее окрестностях. Более убедительным представляется чтение названия его труда, предложенное В.П. Яйленко (1988а, с. 276): «О стране, называемой Таврика». Судя по названию, это произведение Посидония было не философским, а историко-географическим.

Конечно, не все жители Северного Причерноморья, получив высшее образование, оставались в Элладе. «Питомец Муз», то есть широко образованный философ Смикр в IV – III вв. до н. э. излагал свое учение на Боспоре в общественных местах, о чем написано в его эпитафии (КБН. 118). Безусловно, хорошее гуманитарное образование имели херсонесский историк Сириск и боспорские

историки, сочинениями которых пользовался Диодор Сицилийский. Декрет второй половины III в. до н. э. в честь Сириска (IOSPE I². 344) - единственное в Северном Причерноморье свидетельство о награждении писателя. В первой части своего труда Сириск литературно обработал все сведения о чудесах Девы, верховной богини Херсонеса, а во второй части изложил отношения государства с другими полисами и царями Боспора. Издание почетного декрета от имени народа и венчание золотым венком позволяют предположить, что Сириск читал свой труд либо в Народном собрании, либо в театре (Ростовцев, 1915, с. 151- 170; Белов, 1948, с. 82- 84). Херсонеситам очень понравились правдивое изложение истории и патриотическая окраска всего сочинения; во время празднования Дионисий они увенчали своего соотечественника золотым венком, который изображен на фронтоне стелы с текстом декрета в честь историка (рис. 9).

Умение красиво и убедительно произнести речь всегда ценилось в античности. Такие навыки были необходимы политическим деятелям в демократических государствах – таких, как Ольвия и Херсонес. Здесь на руководящие роли выдвигались люди, способные внушить свою точку зрения Народному собранию и разнообразным советам и коллегиям. Часто оратор в сознании античного человека отождествлялся с политиком. Для этих целей античные риторы тщательно разработали теорию красноречия, которую следовало знать тем, кто собирался завоевать популярность у народа на политической или судебной аренах.

Знаменитый оратор Горгий (fr. 82 Diels) называл слово великим властителем: «телом малое и незаметное, оно совершает божественные дела. Ведь оно может и страх пресечь, и горе унять, и сострадание умножить» (перевод А.О. Маковельского). Высокая оценка хорошего владения ораторским искусством отразилась в некоторых надписях из Северного Причерноморья. Не случайно в ольвийском декрете в честь Протогена упомянуто о его выступлениях с речами перед народом, а в эпитафии херсонесита Демократа особо отмечен его дар прекрасно произносить речи (IOSPE I². 32, 425). В 1985 г. при раскопках некрополя Пантикапея найдена уникальная мраморная плита с частично сохранившимся текстом энкомия, торжественной надгробной речи. Она звучала во время похорон выдающегося боспорского политического и военного деятеля, жившего во второй половине I в. н. э. Автор энкомия, конечно, имел высшее гуманитарное образование, был опытным оратором, использовавшим в своих речах пышный азианский стиль красноречия. Стела с текстом речи составляла часть большого надгробного памятника. В надписи перечислялись многочисленные славные деяния умершего, особо была выделена его обязанность воспитателя будущего царя Савромата, которая сравнивалась с ролью мудрого кентавра Хирона, наставника Ахилла (Сапрыкин, 2005, с. 45- 81, Сапрыкин, Парфенов, 2012, с. 163- 182).

Дионисий Галикарнасский в трактате об Исократе (гл. 18) упомянул, что боспорянин, который нам известен как сын Сопея, учился в риторской школе оратора. О его пребывании в Афинах и проводившейся там коммерческой дея-

тельности известно из речи Исократы, написанной для Сопеида и произнесенной им в афинском суде во время тяжбы с крупным афинским банкиром Пасионом (Isocr. Or. XVII). Сопей был одновременно видным политическим деятелем, приближенным царя Сатира, и крупным торговцем хлебом. Он отправил сына на своем корабле, везущем зерно в Афины, чтобы тот не только усовершенствовал свои познания в коммерции, но и получил хорошее образование, необходимое для занятий государственными делами. Сочетание государственной деятельности и коммерции было обычным для греков. Достаточно напомнить, что Демосфен занимался не только ораторской и политической деятельностью, но и вел одновременно крупные торгово-ростовщические операции, давая ссуды под залог кораблей или грузов (Hyperid. C. Dem. 17; Plut. Com. Dem. Et Cic. III, 6).

Во время жизни Сопеида в Афинах лучшая высшая школа принадлежала Исократу. Цицерон в «Бруте» (8, 32) писал, что дом оратора был открыт для всей Эллады как некая школа и мастерская, где выковывалось искусство красноречия. Сам Исократ говорил, что ученики стекались к нему из разных мест, среди которых он назвал первыми Сицилию и Понт (XV, 224). Таким образом, надо полагать, что Сопейд не был единственным представителем школы Исократы в городах Северного Причерноморья.

Плата за обучение, полный курс которого длился 3- 4 года, составляла 10 мин (Plut. Dem. 5). Однако такая крупная сумма оказалась вполне доступной сыну богатого боспорянина. Зато в этой школе Сопейд мог получить блестящее образование и общаться с самыми способными молодыми людьми из всей Греции, которые затем прославились на разных поприщах. Ведь учениками Исократы были выдающиеся ораторы Исей, Ликург, Гиперид, известные историки Андроцион, Эфор, Феопомп, крупные политические деятели Тимофей и Лаодамант, тиран Гераклеи Клеарх, правитель Саламина на Кипре Никокл и другие. Судя по времени пребывания Сопеида в Афинах, он принадлежал к старшему поколению учеников Исократы, о чем есть также косвенное указание в «Трапезитике». Когда Сопейду пришлось послать друзей за деньгами к Пасиону, он попросил об этом Филомела и Менексена (гл. 9, 45). С первым из них он, по-видимому, познакомился в школе своего учителя. Из речи «Об обмене имуществом» известно, что Филомел принадлежал ко второму поколению учеников Исократы. На склоне лет оратор назвал Филомела в числе старших своих учеников-афинян, которых впоследствии государство за их заслуги наградило золотыми венками (XV, 93).

Памятники искусства также можно привлечь в качестве свидетельств о гражданах с высшим образованием в Северном Причерноморье. Античные скульпторы и художники изображали ораторов, философов, политических деятелей и писателей с папирусным свитком в руках, а у их ног помещали корзину, наполненную книгами, состоящими из связок свитков. Такова, например, статуя Демосфена (рис. 10). Такие же атрибуты мы видим у боспорянина на мрам-

морной статуе I в. н. э., найденной в Пантикапее (рис. 11; Соколов, 1973, № 133), и на рельефе надгробия Стратоника, погибшего в конце I - начале II вв. н. э. (КБН. 145). В римское время херсонеситы устанавливали надгробные статуи граждан со свитком в руке или их связкой у ног (рис. 12; Античная скульптура Херсонеса, 1976, № 309, 311, 312). Они напоминали об общественной и литературной деятельности погребенного.

Люди с высшим гуманитарным образованием могли с помощью своих знаний обеспечить себе неплохой заработок. Некоторые из них становились учителями средней и высшей школы. Ведь в эллинистический и римский периоды риторы находили учеников во всех античных государствах. Они, безусловно, преподавали в средних школах, существовавших во всех крупных городах Северного Причерноморья. Об одном из них, жившем в Ольвии, как говорилось выше, упоминает Диоген Лаэртский в биографии Биона Борисфенита.

Многочисленные местные декреты составлены правильным литературным языком с некоторыми цветистыми выражениями, свойственными ораторским упражнениям, которые выполнялись в средней и высшей школах под руководством ритором (Латышев, 1887, с. 178-180). Косвенным свидетельством существования местных образованных ораторов служат сведения надписей о постоянной деятельности Народного собрания в Тире, Ольвии и Херсонесе. В любом греческом городе для завоевания внимания слушателей и убеждения в своей правоте требовалось хорошо составить и произнести речь. Риторы обучали юношей ораторскому искусству, которое способствовало политической карьере и оказывалось необходимым в суде, где решение зависело от убедительности речей истца и ответчика. Еще одним доходным занятием для ритора была служба в царской канцелярии или при Совете в демократических республиках. Там существовала должность составителя официальных писем и других документов. Несколько таких писем римского времени, написанных в Тире, Ольвии и на Боспоре, рассмотрены ниже в разделе «Письма».

Постоянным источником заработка для образованного человека могли быть заказы написать защитительные или обвинительные речи для тяжущихся в суде. Ведь далеко не все эллины, обращавшиеся в суд, могли составить убедительную речь. Поэтому они обращались к тем, кого называли логографами; они обычно имели риторическое образование, хорошо знали законодательство и правила составления судебных речей. Заказчик заучивал составленную логографом речь и от своего имени произносил в суде. Так поступил боспорянин Сопеид, когда вызвал в афинский суд банкира Пасиона; его обвинительная речь, написанная Исократом, сохранилась среди сочинений этого оратора (Isocr. XVII).

Большинство греческих государств не могли обеспечить постоянными заказами высокообразованных специалистов разных профилей. Поэтому их по мере надобности приглашали на временную работу. Архитекторы входили в число таких профессионалов высшего уровня, обладавшими обширными знаниями.

Их звали, когда требовалось построить или реставрировать храм, театр, гимнасий, другие общественные здания и оборонительные сооружения. Архитекторы также занимались постройками крупных кораблей, обустройством гаваней и верфей (Блаватская, 1983, с. 214- 281). Витрувий в своем трактате «Об архитектуре» (I, 1, 3) охарактеризовал круг знаний, необходимых архитектору. Он «должен быть грамотным человеком, умелым рисовальщиком, изучить геометрию, всесторонне знать историю, внимательно слушать философов, быть знакомым с музыкой, знать решения юристов и обладать сведениями в астрономии и в небесных законах» (перевод Ф.А. Петровского). Конечно, архитектор должен был изучить многие сочинения своих предшественников по теории и практике архитектуры. Такие труды существовали уже в VI в. до н. э., и их число постоянно пополнялось, о чем подробно написал Витрувий. В VI- IV вв. до н. э. высококвалифицированных архитекторов в Элладе было немного (Ps. Plat. Amatores. 135 b).

Античные города Северного Причерноморья стали нанимать архитекторов уже в архаический период. В Борисфене, Ольвии и Нимфее в конце VI- V вв. до н.э. ионийские архитекторы строили небольшие храмы и привозили для их украшения расписные терракотовые детали: акротерии, антефиксы, капители и др. (Крыжицкий, 1983, с. 50- 53, рис. 22- 24). В V в. до н. э. опытный архитектор построил в Пантикапее большой храм, посвященный Аполлону. Монументальное здание венчало акрополь города и было видно издалека кораблям, плывущим по проливу Боспор Киммерийский. Остатки храма позволили ученым сделать его реконструкцию. Он достигал высоты 14 м., на фасаде располагалось 6 колонн, возможно, они также окружали и остальные стороны храма, украшенного мраморными рельефами. По мнению современных исследователей, один Пантикапей не имел возможности оплатить постройку такого крупного и дорогого сооружения. Его финансировали также другие, тогда еще независимые ионийские колонии на Боспоре Киммерийском (Пичикян, 1984, с. 156- 170). Все они справляли у этого величественного храма общие праздники и приносили здесь жертвы Аполлону Врачу, так же как в их метрополии ионяне собирались из 12 городов в святилище Панионион (Her. I, 148).

Азами архитектурного образования могли владеть местные опытные строители. В городах Северного Причерноморья они возводили благоустроенные частные дома, колодцы, крупные облицованные камнем цистерны, винодельни и др. Но, конечно, такие сооружения, как театр, гимнасий или храм, были им не под силу.

Одеятельности архитекторов в античных городах Северного Причерноморья можно судить главным образом по остаткам их построек. Таковы, например, фундаменты храмов Аполлона Дельфиния и Зевса на Центральном теменосе Ольвии, оборонительные стены и башни Херсонеса, комплекс зданий на акрополе Пантикапея и др. Остатки театра обнаружены в Херсонесе, по нескольким надписям известно о театре в Ольвии, а о театрах в городах Боспора упомянул Полиэн (Strat. V, 44). Их могли построить только опытные приглашенные ар-

хитекторы. К сожалению, в надписях о строительстве тех или иных сооружений обычно названы имена магистратов, наблюдавших за выполнением заказа, или тех, кто оплатил строительство, а об архитекторах упоминается крайне редко и только в надписях римского времени. Например, архитектор, уроженец Никомедии, построил в Ольвии баню, а в надписях Танаиса встречаются имена архитекторов, соорудивших оборонительные стены и башни (IOSPE I2. 174; КБН. 1245, 1249, 1250, 1252).

Труд хорошего архитектора стоил дорого, обычно он работал не один, а с квалифицированными помощниками, которых тоже следовало нанять (Блаватская, 1983, с. 259- 272, 278). Средства для этого не всегда находились в городской казне. Тогда обращались за помощью к богатым гражданам, таким, как ольвиополит Протоген, выделивший средства на строительство стены и реставрацию четырех башен. Из - за недостатка денег или из-за спешности постройки иногда пытались обойтись без опытного специалиста. Так, в IV в. до н. э. часть оборонительной стены у Западных ворот Ольвии построили безграмотно в конструктивном отношении: профессиональный архитектор не сложил бы фундамент из сырцового кирпича и не поместил бы его на культурном слое, вместо того чтобы снять грунт до уровня материка (Крыжицкий, 1999, 112, 190).

Деятельность врача была еще одной профессией, требовавшей углубленного образования. Вероятно, во время хорошего экономического состояния государства в Северном Причерноморье, как и в других областях греческой ойкумены, нанимали для граждан врачей за общественный счет. О присутствии врачей в Херсонесе и в Ольвии свидетельствуют несколько надгробий и находки хирургических и других медицинских инструментов (Соломоник, Антонова, 1974. с. 94- 105; Хомчик, 1991, с. 63- 68). Сейчас по эпитафиям известны имена врачей Дионисия, Эвклеса и Лесханорида, практиковавших в Херсонесе в конце IV-III вв. до н. э. Двое последних были уроженцами острова Теос. В римское время врачи приезжали вместе с легионерами, служившими в Таврике. Здесь в I в. н.э. погиб врач Ведий Трепт во время нападения варваров (Соломоник, 1983, с. 44, № 13).

Школьные знания как основа для многих профессий

В предыдущем разделе говорилось, для какого рода деятельности в античности требовалось высшее образование. Однако, многими профессиями можно было овладеть, имея среднее и даже начальное образование.

Вскоре после основания колоний в Северном Причерноморье появилась необходимость в образованных магистратах, следящих за городским благоустройством и знающих законы торговли. Такие магистраты назывались у греков астиномами, то есть смотрителями за законностью в городе, и агораномами, то есть блюдущими порядок на рынке. В крупных городах их было несколько (Aristot. Polit. II, 50), а в небольших обе функции исполнял один человек. Агораном заботился о дорогах, ведущих к рынку, собирал арендную

плату за место на рынках, следил, чтобы продавцы не обманывали покупателей, контролировал, как менялы соблюдали введенные государством тарифы обмена иностранных монет на местные. Он следил также за справедливостью оплаты поваров, флейтисток и других, кого на рынке нанимали на временную работу. Астином смотрел за содержанием в порядке зданий, улиц, водостоков, колодцев и источников, он осуществлял надзор за соблюдением порядка в городской гавани, наблюдал за состоянием городских оборонительных сооружений, следил, чтобы границы застроек не захватывали часть улицы, чтобы двери и окна открывались внутрь, а не наружу, потому что улицы были очень узкими (Jones, 1940, p. 214).

Начало деятельности таких магистратов на северных берегах Черного моря относится ко второй половине VI в. до н. э. Тогда в Борисфене выстроили городской квартал с регулярной планировкой, в Ольвии отвели определенное место для агоры и двух священных участков, теменосов, а в городских кварталах стала соблюдаться красная линия застройки (Крыжицкий, 1999, с. 110-111.).

О деятельности агораномов в античных государствах Северного Причерноморья свидетельствуют упоминания в ольвийских и херсонесских надписях (IOSPE I². 128, 129, 418, 440, 685; HO. 90), а также находки эталонных гирь и мерных сосудов. Последние использовались в основном для розничной продажи вина и оливкового масла. Древнейшие из них относятся к концу VI в. до н. э. Таковы несколько ойнохой местного производства с особыми клеймами из Фанагории, а также найденные на Березани бронзовые разновесы с изображением стрелы, символа Аполлона, верховного божества Борисфена, и ойнохой с надписью δίκαιον – узаконенная мера (Блаватский, 1964, с. 31; Виноградов, 1989, с. 63). Археологи обнаружили немало подобных сосудов и гирь более позднего времени. На них иногда ставилось имя агоранома, например, имя ольвийского агоранома Апатурия читается на пяти мерных сосудах эллинистического времени, обнаруженных при раскопках торговых рядов на агоре (Леви, 1985, с. 98, рис. 99). Для мерной ойнохой IV в. до н. э. в Пантикапее сделали клеймо с таким же изображением головы сатира, как на местных монетах, а в Ольвии эталонные гири эллинистического времени украшали рельефами с головой Аполлона, возглавлявшего ольвийский пантеон, или фигуркой дельфина, символом этого бога (рис. 13; Блаватский, 1964, с. 32; Крапивина, 1980, с. 89-90). Упоминания ольвийских агораномов в надписях, а также на клеймах на бронзовых и свинцовых гирях и на мерных сосудах позволяют заключить, что до начала III в. до н. э. в Ольвии функцию агоранома исполнял один человек, затем их число увеличилось до трех, а в римское время доходило до пяти (Рубан, 1982, с. 30-40). Вероятно в круг их обязанностей входили также функции астиномов, как и в других греческих городах эллинистического периода (Jones, 1940, p. 214).

Когда в Северном Причерноморье в классический период выросло население городов и увеличилась их площадь, потребовались глашатаи, обладающие громким голосом, ясной дикцией и умением читать врученные

им документы. Греческие глашатаи ходили по городу, объявляя даты сбора граждан на Народное собрание и на заседание Совета, исполнительного органа власти, они извещали о днях проведения судебных разбирательств и других мероприятий, например, публичных торгов. Перед началом Народного собрания или Совета глашатай по имевшемуся у него утвержденному списку проводил переключку присутствующих граждан. Этот древний обычай, восходящий к архаическому периоду, упомянул в своих стихах Алкей (fr. 24 с): «как хочется услышать глашатая, выкрикивающего в Народном собрании и Совете мое имя Агесилаид».

Прямые и косвенные сведения о глашатаях в Северном Причерноморье в наибольшем количестве сохранились в эпиграфических памятниках Ольвии, отдельные упоминания о них встречаются в надписях Тиры и Херсонеса (IOSPE I². 2, 31, 32, 34, 38, 40, 46, 51, 52, 57, 344, 433; НО. 28, 43), а на Боспоре они отсутствуют, хотя трудно представить какой-либо греческий город без глашатая. Это объясняется тем, что упоминания о глашатаях в основном имеются в почетных декретах, которые оканчивались словами о решении увенчать золотым венком либо поощрить иной наградой гражданина или иностранца, оказавшего значительные услуги государству, и провозгласить текст декрета на самых многочисленных праздниках. Так было принято в государствах с демократической формой правления. Боспором же правили цари, которые не практиковали такую форму благодарности своим согражданам и иностранцам, хотя сами охотно получали такие почести в Афинах (МИС. 3, 4).

Глашатаи читали декреты на празднествах Диониса в театрах Ольвии и Херсонеса, на празднике Парфении в честь главной богини Херсонеса и во время наиболее престижных конных состязаний на Ахилловом Дроме (IOSPE I². 31, 34, 344, 352). Иногда принимались решения огласить постановление в двух местах. Например, ольвийский декрет о награждении золотым венком херсонеситов Аполлодора, Аполлония и Евфрона глашатай читал в Народном собрании и в театре (НО. 28). В Ольвии глашатаи также провозглашали благодарственные декреты во время торжественных похорон граждан, имевших заслуги перед отечеством (IOSPE I². 40, 46, 51, 52).

По аналогии с другими греческими городами можно думать, что в Северном Причерноморье глашатаи ходили по городу, объявляя день заседания суда и извещали об этом истца и ответчика. Они вызывали желающих взять на откуп сбор государственных налогов и штрафов или подрядиться выполнить какой-либо государственный заказ, например, на строительство или ремонт общественных зданий или оборонительных сооружений. Относительно сдачи на откуп штрафов известно из ольвийского декрета об обмене денег, а в декрете в честь Протогена сказано, что он через глашатая объявил о том, что оплачивает возведение городской стены, защищающей город со стороны реки, и предлагает подрядчикам взять на откуп это строительство (IOSPE I². 24, 32).

Грамотные люди становились глашатаями, когда их на это толкала бедность. Платон в «Законах» (918 в) и Феофраст в «Характерах» (гл. 6) называли эту деятельность не достойной гражданина. Но в римский период, видимо, отношение к этому изменилось. В Херсонесе наряду с поэтами и трубачами состязались глашатаи, их имена вместе с другими победителями праздничных состязаний записывали в каталог на мраморной стеле и ставили около театра. (НЭПХ. 127). Поэтому можно заключить, что они были полноправными членами общества, так как на греческих агонах всегда принимали участие только граждане любого эллинского государства.

В процессе формирования государственного аппарата появляются секретари. Название этой должности $\gamma\rho\alpha\upsilon\tau\alpha\tau\epsilon\upsilon\varsigma$ происходит от слова $\gamma\rho\alpha\iota\tau\alpha$, буква, то есть подразумевает грамотного человека, способного вести документацию. Древнейшее известное сейчас упоминание секретаря в Северном Причерноморье сохранилось в надписи III в. до н. э. на стеле коллегии ситонов (НО. 72), которые заботились о снабжении Ольвии хлебом в голодные годы. На стеле изображены все члены коллегии и внизу начертаны слова: «Бывшие ситонами Феокл, сын Фрасидама, Деметрий, сын Фокрита, Афиней, сын Конона, Навтим, сын Героксена при секретаре Афинодоре, сыне Демагора, (это изображение) Герою Внемлющему (посветили)». Видимо, секретарь составил надпись, нанял скульптора и следил за исполнением рельефов и нанесением текста на мраморную плитку. Имя секретаря названо с отчеством, из чего следует, что он был гражданином, а его должность была не чисто вспомогательной, так как он изображен на стеле наравне с остальными ситонами (рис. 14).

Безусловно, при исполнительных органах власти секретари появились в античных городах Северного Причерноморья уже в V в. до н. э., когда здесь стали вести подробную документацию. Секретари редактировали и записывали по определенным формулам постановления Народного собрания, законы и другие документы, которые поступали в городской архив. Если в документе шла речь о предоставлении каких-либо прав или привилегий, то секретарь вручал копию лицу, упомянутому в постановлении. Таковы были почетные декреты о наградах и проксении иноземным гражданам, в которых говорилось о предоставлении им особых льгот, а иногда и гражданства. Вот образец одной из полностью уцелевших ольвийских проксений, данной в IV в. до н. э. двум гражданам Гераклеи (рис. 15): «В добрый час! Ольвиополиты дали сыновьям Феопропа, Феофану и Аристе, гераклеотам, им самим и их потомкам проксению, право гражданства, освобождение от пошлин на все товары, какие бы не ввезли или не вывезли они сами или их слуги, и (дали право) входа и выхода (из гавани) и в военное, и в мирное время, без конфискации и заключения договора» (НО. 6).

О деятельности секретаря можно прочесть в одной частично сохранившейся надписи из Тиры (IOSPE I². 2). Там написано, что секретарь Валерий Руф редактировал постановление о награждении золотым венком сына Коккея. Вероятно,

тот умер к моменту издания декрета, так как в тексте надписи указано, что секретарь вручал отцу копию декрета, а оригинал передавал в городской архив. Вероятно, к секретарю обращались за выписками из законов, которые требовались при решении того или иного дела в суде.

В особо важных случаях принималось решение начертать декрет или закон на каменной стеле и поставить на видном месте в городе. Древнейшие подобные надписи в Северном Причерноморье датируются V в. до н. э. На них сохранились тексты, составленные секретарями. Они написаны литературным языком с использованием формул, по которым писались подобные документы в других греческих городах. Последнее особенно заметно в проксениях, соответствующих трафарету, принятому во всей греческой ойкумене (Тюменев, 1950, с. 14- 20; Guarducci, 1969, p. 28). Текст документа при передаче его резчику по камню не редактировался. Поэтому в ольвийских надписях часто имеется лишь число без указания месяца и года. Вероятно, в архиве документы складывали по годам и месяцам, поэтому было ясно, когда он написан. Например, знаменитый декрет в честь Протогена начинается словами: «Совет и Народ постановили двадцатого числа, архонты и коллегия Семи предложили...». В то же время в декрете точно обозначены годы, когда Протоген совершал свои благотворительные акции: датировка указана, как это было принято во многих греческих городах, по именам верховных жрецов, дававших название году.

Во всех греческих государствах суд входил в число обязательных учреждений. Древнейшие письменные и археологические свидетельства о судах в Ольвии и в Пантикапее относятся к IV в. до н. э. (Скржинська, 2009, с.20). Кроме судей и присяжных в судебных процессах непременно участвовал секретарь, умеющий писать и читать. В его обязанности входило чтение законов, свидетельских показаний и других документов, которые принесли в суд истец и ответчик. Заседание суда начиналось с молитвы богам, после чего секретарь вызывал истца и ответчика, просил их назвать свои имена и читал текст жалобы. Затем истец выходил на специальное возвышение, бему и произносил свою речь. Вслед за ним выступал ответчик. Оба они неоднократно обращались к секретарю, чтобы тот прочел соответствующий документ из тех, которые они предоставили суду.

О деятельности секретарей в судах Северного Причерноморья не осталось прямых свидетельств. Однако, основные черты судопроизводства у всех греков были сходными. Поэтому, чтобы представить роль судебного секретаря, можно обратиться к речам Демосфена, в частности к тридцать четвертой речи против боспорского купца Формиона. Она была написана для истцов, обвинивших купца в отказе отдать деньги, взятые в долг для проведения торговых операций на Боспоре. Перечисляя претензии к Формиону, истцы несколько раз обращались к секретарю с просьбой прочесть соответствующий закон (параграфы 37, 42), свидетельские показания (параграфы 9, 10, 11, 15, 20, 38, 40), таможенную запись (параграф 7) и текст прошлогоднего обвинения ответчика.

Начиная с V в. до н. э., вплоть до заката античной эпохи, в городах Северного Причерноморья жили каменотесы, вырезавшие надписи; для этой профессии требовалось умение читать и писать. Они выполняли различные заказы государства и частных лиц. На известняковых и мраморных плитах резчики по камню писали официальные документы, посвятельные надписи и эпитафии. Многие из них найдены при раскопках всех античных городов, поселений и некрополей в Северном Причерноморье. К настоящему времени опубликованы сотни надписей, и число их постоянно увеличивается, поступая из новых раскопок.

Древнейшие надписи на каменных стелах, появившиеся в северопричерноморских колониях, обнаружены в Нижнем Побужье. Они выполнены мастерами из метрополии. Такова эпитафия гражданина Борисфена Мастора, сына Берта, погибшего в середине VI в. до н. э. Ее пять строк выбиты на известняковой плите; они написаны в архаической манере бустрофидона, то есть первая строка справа налево, вторая слева направо, третья справа налево и так далее. Этот роскошный по архаическим меркам памятник с изображением воина и стихотворной эпитафией был заказан в Ионии и привезен на Березань (Яйленко, 1982, с. 260- 263). Также ионийским мастером в начале V в. до н. э. сделаны рельеф и надпись на мраморной стеле, стоявшей на могиле Леокса в некрополе Ольвии (Культура населения Ольвии, 1987, с. 158- 159). Дорогие надгробия из Эллады продолжали привозить в Северное Причерноморье на протяжении всей античности. Таковы, например, аттические надгробные памятники с рельефами классического периода из Ольвии и городов Боспора, или афинский саркофаг римского времени из Мирмекия (Саверкина, 1962, с. 247- 263; Скржинская, 1998, с. 186- 187). Но большинство родственников умерших заказывали памятники с надписями у местных мастеров.

В начале V в. до н. э. местные резчики по камню еще не достаточно хорошо овладели искусством делать надписи, что видно на древнейших ольвийских надписях, сделанных по заказу государства и частных лиц. Это первая из известных сейчас проксений в Северном Причерноморье, две посвятельные надписи и три эпитафии. Буквы на них вырезаны глубоко и небрежно, не соблюдены расстояния между строками и отдельными буквами, мастер не делал предварительной разметки, поэтому иногда в строку помещались не все буквы (IOSPE I². 212, 213, 215; НО 1, 103, 167). Большинство же более поздних надписей из Северного Причерноморья исполнены на хорошем профессиональном уровне, сохранявшемся практически до конца античной эпохи.

Начальное образование со знанием счета требовалось тем, кто занимался торговлей, ростовщичеством и обменом денег. Простейшие расчеты производили торговцы и покупатели на рынках, употребляя мелкие местные монеты. В Борисфене, Ольвии и Пантикапее их стали массово выпускать уже в конце архаического времени, а позже их чеканили и во многих других городах Северного Причерноморья. Цифровые записи постоянно находят при раскопках не только городов, но и небольших поселений (Сапрыкин, Масленников, 2007).

Начиная с VI в. до н. э., несколько сотен греческих городов и их колоний выпускали собственные монеты в разных денежно-весовых системах. Интенсивная торговля требовала возможности приравнивать друг к другу денежные единицы разных полисов. Так появилась профессия менялы. Он раскладывал деньги и проверял качество монет на особом столе, называвшемся трапезой, откуда произошло греческое название этой профессии - трапезит. Трапезиты существовали в каждом греческом городе, и их деятельность требовала определенного образования. Ведь они занимались не только обменом денег одной денежной системы на другую и проверкой качества монет, но также давали деньги под залог ценных вещей, осуществляли денежные переводы в другие города, выдавали займы под проценты. Кроме того, за определенную плату они хранили ценности и разные документы, совершали от имени клиента различные сделки, выступали посредниками при заключении договоров и разных платежей. Греческие трапезиты первыми стали практиковать введение в оборот чужих денег; это, по мнению современных ученых, является решающим доказательством того, что древняя Эллада была родиной банковского дела.

О трапезитах в Северном Причерноморье известно по эпиграфическим источникам и различным косвенным данным. В декрете Протогена сохранилось имя ольвийского трапезита Полихарма, которому архонты на городские нужды заложили священные сосуды. Срок выкупа подходил к концу, и трапезит собирался отдать эти сосуды на переплавку, но Протоген выкупил их за 100 золотых. Стоит подчеркнуть, что Полихарм назван иностранцем, то есть не гражданином Ольвии. Ведь профессия трапезита считалась в древности не достойной гражданина, и ею занимались в основном свободные, но неполноправные жители греческих городов. Характерно, что большинство из известных афинских трапезитов IV в. до н. э. не были гражданами (Глускина, 1975, с. 73-74).

Косвенное свидетельство об ольвийских трапезитах IV в. до н. э. содержится в законе об обмене денег (IOSPE I². 24), так как подобные операции осуществляли трапезиты. Приезжие купцы, наверное, делали краткосрочные вклады в местные трапезы для сохранения своих денег. Так, например, сразу же поступил молодой боспорянин, приехавший в Афины с большой суммой денег; друзья отца немедленно представили его крупнейшему афинскому трапезиту Пасиону, которому боспорянин отдал на сохранение свои деньги и в дальнейшем вел с ним много финансовых дел (Isocr. XVII, 4).

Уже в V в. до н. э. в греческих колониях не хватало небольшого числа образованных граждан из аристократических семей, дававших детям домашнее образование. Начальное образование стало требоваться для овладения рядом профессий в среде широких слоев населения. В результате такой необходимости появилась профессия учителя начальной школы. Он брался обучить чтению, письму и счету не только детей граждан, но и сыновей неполноправного населения. В эллинистический период в некоторых греческих городах девочки также

могли посещать школу, но о такой возможности в Северном Причерноморье не имеется никаких сведений.

По письменным источникам известно, что в более или менее крупных городах Эллады школы существовали уже в начале V в. до н. э.; тогда в Аттике и на Хиосе обучалось по несколько десятков учеников (Her. VI, 27; Aristoph. Nub. 964-965; Paus. VI, 9, 6). О широком распространении грамотности и, следовательно, о школах в античных городах Северного Причерноморья косвенно свидетельствуют находки множества прочерченных на керамике и штукатурке надписей самого разнообразного содержания. Среди этих граффити есть три десятка ученических упражнений (Яйленко, 1988, с. 54- 60). О местных учителях вообще не уцелело никаких сведений, вероятно, потому, что учить грамоте считалось малоподходящим занятием для гражданина (Plat. Prot. 313 b; Dem. XVIII, 358). Учителями начальной школы становились те, от кого отвернулась удача. Такими людьми были, например, политические изгнанники или разорившиеся граждане. Их нужда заставляла учить, причем за небольшую плату. (Athen. IV, 184). Начальное обучение оплачивали родители, а работа по найму частных считалась не достойной гражданина. Поэтому над учителем можно было посмеяться и упрекнуть за такой заработок. Демосфен, чтобы выставить в невыгодном свете своего оппонента оратора Эхина, говорил, что его отец был учителем начальной школы, и сын ему помогал (Dem. XVIII, 129-131; XIX, 129). Такими же сведениями старались унижить философа Эпикура его противники (Diog. Laert. X, 4).

Обязанность учителя начальной школы ограничивалась чисто техническим обучением ребенка чтению, письму и счету; никакие воспитательные задачи перед ним не ставились. Для этого ремесла не считалась нужной никакая особая подготовка, просто грамотный человек вспоминал, как его самого учили в детстве. Ученики писали на дощечках, натертым воском, а домашние задания зачастую прочерчивали заостренным предметом на обломках керамических сосудов или на черепице. Упражнения на знание алфавита найдены при раскопках всех греческих городов Северного Причерноморья. Древнейшие из этих граффити из Тиры и Борисфена относятся к архаическому периоду (Яйленко, 1988, с. 57), но большинство к V- III вв. до н. э. После III в. до н. э. граффити на керамике почти исчезают, так как удешевляется стоимость папируса, и он становится широкодоступным писчим материалом, но, к сожалению, не сохраняется в земле; только иногда античные тексты на папирусе находят в песках Египта. На некоторых граффити со школьными упражнениями из Тиры и Ольвии можно увидеть следы деятельности учителя, исправлявшего ошибки ученика, о чем говорилось в разделе о начальной школе.

Итак, школьное образование помогало овладеть многими профессиями, в числе которых были учитель, глашатай, каменотес, исполняющий надписи, секретарь коллегии или суда, трапезит и другие. Школа открывала доступ к высшему образованию; им владели многие государственные деятели, философы,

логографы, врачи, архитекторы и авторы литературных и публицистических сочинений.

Письма в ежедневной жизни эллинов

В научной литературе опубликовано несколько десятков писем, обнаруженных при раскопках античных городов и поселений в Северном Причерноморье. Однако до сих пор еще не было общего обзора этих писем, не выделялось их наличие как свидетельство о разных уровнях образования авторов посланий и не выяснялась роль переписки в повседневной жизни местного населения.

После появления письменности к традиционному устному обмену информацией прибавилась возможность передавать на отдаленные расстояния разнообразные сообщения, не знакомя с их содержанием передающего письмо. Древнейшее упоминание о греческом письме содержится в «Илиаде» (VI, 168-169). Царь Тиринфа Прет отправил своему зятю письмо с рекомендацией погубить Беллерофонта, причем сам герой, ничего не подозревая, доставил это письмо. Конечно, у Гомера это поэтический вымысел, отнесенный к мифологическим временам жизни старших греческих героев. Но показателен сам рассказ о письме: он свидетельствует о том, что слушатели эпических поэм уже в конце VIII в. до н. э. знали о возможности посылать письма. В античной литературе сохранилось несколько упоминаний о письмах правителей архаического времени (Her. III, 40; Thuc. I, 128, 129, 137). Все это показывает, что ко времени появления греческих колоний на северных берегах Черного моря письма вошли в обиход образованных эллинов. Благодаря археологическим находкам уверенно можно говорить о переписке должностных и частных лиц в Северном Причерноморье, начиная с VI в. до н. э.

Греки использовали для писем различные материалы: деревянные таблички, натертые воском, папирус, выделанную кожу, свинцовые и костяные пластинки и обломки керамики. Первые три материала плохо сохраняются в земле, так что их находки представляют большую редкость и не встречались до сих пор при раскопках в Северном Причерноморье. Изображения папирусных свитков и восковых табличек изредка встречаются на местных памятниках искусства. Таковы херсонесская статуя мужчины со свитком в руке (рис. 12) или таблички для письма на фреске из некрополя Горгиппии и на терракоте из Ольвии (Алексеева, 1984, с. 83, 140, табл. 42; Худяк, 1940, с. 96, рис. 77).

Восковые таблички были одним из наиболее распространенных средств для переписки. Получив послание, адресат мог стереть его после прочтения и на разглаженном воске написать ответ. То же самое можно было сделать и на свинцовой пластинке. Письма передавали либо со специально посланным человеком, либо с тем, кто отправлялся по своим делам в нужном направлении.

Чтобы письмо мог прочесть только адресат, в табличках делалось отверстие для продевания шнура, который скрепляли печатью, так что ознакомиться с

текстом можно было, лишь сломав печать. Обычно ею служил кусочек воска с оттиском геммы, принадлежавшей автору письма. Сходным образом запечатывали свернутые в трубку письма на папирусе, которые оборачивали шнурком, а его концы или завязанный узел скрепляли печатями. Они были в древности весьма разнообразны. Состоятельные люди заказывали уникальные по мастерству изделия у выдающихся ювелиров. Адресаты, как правило, узнавали подлинность письма по печати. Ее роль как удостоверения личности греков и римлян великолепно отражена в рассказе Тацита о Петронии, приближенном императора Нерона. Перед тем как кончить жизнь самоубийством, Петроний сломал свой перстень с печатью, чтобы его не могли использовать для составления подложных документов (Тас. Ann. XVI, 19).

В археологических коллекциях из всех городов, некрополей и многих поселений на северных берегах Черного моря найдено множество печатей, которыми запечатывали письма. Среди них есть шедевры античной глиптики, исполненные на полудрагоценных камнях выдающимися мастерами, например, Дексаменом Хиосским (рис. 16); менее обеспеченные люди приобретали дешевые поделки из стекла (Неверов, 1983, с. 107- 122). По этим изделиям можно судить о вкусах и имущественном положении обладателей печати. Например, искусно вырезанная яшмовая инталия с изображением юноши, играющего с петухом (рис. 17), по всей вероятности, принадлежала состоятельному боспорянину, любителю широко распространенных в античности петушиных боев (Неверов, 1976, № 32).

После появления письменности греки не одно столетие часто писали письма на свинцовых пластинках и обломках глиняных сосудов и черепицы. В эллинистический период папирус стал достаточно дешев, и тогда он вытеснил из употребления упомянутые менее удобные материалы для письма, которые смогли сохраниться в земле. Поэтому в Северном Причерноморье уцелели образцы писем, написанных на керамике и металле в VI- III вв. до н. э. (рис. 4, 18). Есть также несколько официальных писем римского времени, так как в виду важности некоторых таких посланий их копии вырезали на камне и выставляли в общественных местах наряду с другими документами.

Содержание писем зачастую трудно понять из-за плохой сохранности и краткости, подразумевающей знание адресата, о чем идет речь. Например, в письме на свинцовой пластинке IV в. до н. э. из Пантикапея некий Гермей пишет о каких- то вещах или людях в количестве 50 и разрешает своему адресату взять, сколько потребуется (Сапрыкин, Куликов, 1999, с. 203). На ряде уцелевших писем есть невосполнимые утраты, но и в случаях, если текст хорошо читается, возникают затруднения при его понимании из-за плохо известных нам фонетических, морфологических и синтаксических особенностей языка греческих колонистов. Поэтому большинство из приведенных ниже писем имеют неоднозначное толкование, но мы анализируем те предложенные учеными варианты, которые кажутся нам более убедительными.

В Северном Причерноморье древнейшие известные сейчас письма посылали в архаический период жители Борисфена, Ольвии и Фанагории. В третьей четверти VI в. до н. э. в Ольвию было доставлено письмо на стенке амфоры стиля Фикеллура, его условно называют письмом жреца. Текст состоит из 12 полностью сохранившихся строк. В них содержится отчет некоего лица, совершавшего инспекционную поездку по округе полиса. Автор пишет, что он увидел разрушенные алтари Геракла, Матери богов и речного божества Борисфена. Кроме того, он сообщает об отправке в город древесины и об отлове диких лошадей, которых, наверное, здесь приручали, а также упоминает о попытке бегства рабов (Русяева, 1987, с. 146- 147; Яйленко, 1998, с. 90).

Важная информация о жизни бедных граждан содержится в письме из раскопок Березани (рис. 18), оно написано во второй половине VI в. до н. э. (Виноградов, 1971, с. 83- 100). Свинцовая пластинка с текстом из 13 строк была свернута в свиток, а на его внешней стороне начертан адрес: «Письмо на свинце от Ахиллодора сыну и Анаксагору». Приведем текст письма в переводе С.Р. Тохтасьева (2005, с. 142).

«О, Протагор, тебе пишет отец. Он подвергается беззаконию со стороны Матасия, ведь тот обманывает его и отнял у него грузоперевозчика. (?). Придя к Анаксагору, разьясни (ему ситуацию), ведь он (Матасий) говорит, что он (грузоперевозчик) – раб Анаксагора, заявляя «моим имуществом владеет Анаксагор, и рабами, и рабынями, и домами». Он же (грузоперевозчик) кричит и говорит, что он свободный и не имеет никакого отношения к Матасию, а если что есть (спорного) у него и Анаксагора, то они знают, (что к чему) сами по себе. Это надо сказать Анаксагору и его жене. И другое: он (отец) тебе пишет: твою мать и твоих братьев, которые находятся в Арбинатах, надо доставить в город; сам же...когда придет к нему (Анаксагор?), пусть прямиком отправится (в город?)».

В начале письма речь идет о неком фортегесии. Слово стоит в родительном падеже, поэтому не ясно, мужского оно или среднего рода; определить это невозможно, потому что такое слово ни разу не встречалось в античной литературе и эпиграфике. Однако понятно, что оно родственно глаголу φορτηγέω , имеющему значение перевозить или переносить грузы. Ю.Г. Виноградов и С.Р. Тохтасьев склоняются к мужскому роду этого слова и переводят его как грузоперевозчик. Если же отнести это слово к среднему роду, то получается, что речь идет о грузовом корабле, и Матасий хочет поработить Ахиллодора, называя его рабом (Тохтасьев, 2005, с. 143). Таким образом, речь идет об обращении в рабство свободного человека, что нередко случалось в античности. Достаточно напомнить, что в 389 г. до н. э. философ Платон, оказавшись на враждебном Афинам острове Эгине, был продан в рабство и затем выкуплен друзьями. Во второй части письма говорится о том, что отец посылает из поселения Арбинаты в город (вероятно, в Ольвию) свою жену и сыновей, наверное, на какие-то праздники.

В письме упомянут не известный по другим источникам топоним Арбинаты на территории Нижнего Побужья. Послание Ахиллодора касается имущественного и социального конфликта с участием рабов. Этот текст вместе с близким по времени «письмом жреца» содержит древнейшее среди весьма немногочисленных свидетельств об использовании труда рабов и рабынь в колониях Северного Причерноморья. К этому следует добавить известие в частично сохранившемся свинцовом письме, написанном между 530 и 510 гг. до н. э. и полученном в Фанагории: «Этот раб доставлен из Борисфена на продажу, имя его Фаулл». Так мы узнаем о прямых контактах Борисфена с Боспором и о существовании торговли рабами в Северном Причерноморье уже в VI в. до н. э. (Тохтасьев, 2010, с. 50).

Более поздние известные сейчас письма классического и эллинистического времени имеют, как и предыдущие, в основном деловой характер. Обычно они начинаются приветствием адресата и заканчиваются традиционным прощанием. Некоторые представляют краткие записки. Таково упомянутое выше письмо Родона Гераку (рис. 4) или написанное на амфоре сообщение некоего Майдата, что он придет (Соломоник, 1984, с. 90, № 456), а также письмо на стенке амфоры, найденное в окрестностях Ольвии: «Пусть Агрот пошлет Ахиллу из дому» (Русяева, 1987, с. 147- 148). Краткая записка на стенке амфоры из Херсонеса содержит упоминание о продажной женщине и свидетельствует, что в IV в. до н. э. в городе находились девицы такого рода (Соломоник, 1987, с. 126- 127).

Редкие сведения, касающиеся судебных дел, содержатся в двух ольвийских письмах на свинцовых пластинках. В одном Баттикон сообщает Дифилу о своей неудаче в судебной тяжбе, а в другом некий неизвестный ольвиополит обещает судье взятку за то, чтобы он не допустил выступления свидетелей, неугодных автору письма (Виноградов, 1971, с. 79; он же, 1987, с. 14- 15). Из ольвийского свинцового письма Артикона к родственникам мы узнаем об его семье, не имеющей собственного дома и вынужденной арендовать комнату для жилья. Таким образом, в Ольвии уже в начале V в. до н. э. домовладельцы могли получать доход за сдачу в наем отдельных помещений (Виноградов, 1971, с. 78; Яйленко, 1998, с. 111-115). В письме, написанном на стенке амфоры в Никонии в IV в. до н.э., говорится о посылке корабля с грузом ячменя (Giuszek, 2012, p. 499), а в письме из Керкинитиды его адресат Невмений получает распоряжение, как поступить с товарами и просьбой узнать, кто отправляется в Скифию (Соломоник, 1987, с. 119- 120).

Письма на керамике и на свинцовых пластинках в основном написаны частными лицами. Удалось найти лишь два исключения. Это упомянутое выше так называемое письмо жреца, посетившего окрестности Ольвии, и боспорское письмо царского чиновника Ботроса. Он обращается к некому магистрату, отвечавшему в городе Акра за состояние культовых и общественных построек; и дает распоряжение позаботиться о защите от влаги городского святилища и

стои (Сапрыкин, Федосеев, 2008, с. 72- 74). Что касается римского времени, то все известные сейчас письма из Северного Причерноморья принадлежат официальным лицам. Копии их текстов в виду важности их содержания вырезали на каменных стелах и выставляли на всеобщее обозрение наряду с законами, декретами и другими документами.

Переписка правителей и магистратов в государствах Северного Причерноморья безусловно велась с раннего периода существования колоний, но уцелели лишь тексты первых веков нашей эры. Об официальных письмах более раннего времени есть лишь редчайшие упоминания в античной литературе и эпиграфике. Из «Банкирской речи» Исократы известно, что боспорский царь Сатир в начале IV в. до н. э. написал в афинский суд письмо в поддержку своего подданного Сопеида (Isocr. XVII, 51). Отправляя послов в другие государства, боспорские цари передавали с ними официальные письма. Краткое содержание такого письма изложено в афинском декрете, изданном в честь боспорских царей Спартока и Перисада, которых афиняне в 347 г. до н. э. наградили золотыми венками (МИС. № 3). Сразу после прихода к власти эти боспорские правители отправили послов в Афины, снабдив их своим личным письмом. В нем они сообщали, что намерены сохранять ту же благоприятную для Афин политику, которую проводил их покойный отец царь Левкон. Кроме того, они просили афинян прислать им матросов, и, как явствует из декрета, просьба была удовлетворена.

Письма царей в эллинистический период стали новым типом официальных документов, имевших полноценное юридическое значение (Welles, 1934, p. 27). Сейчас их принято называть рескриптами (от латинского *rescriptum* – «ответное письмо», а также «императорский указ»). Лучше всего сохранились папирусные письма египетских монархов. Подобные письма известны сейчас также по их копиям, вырезанным на каменных стелах. В римское время теми же юридическими правами стали пользоваться письма императоров и наместников провинций, которые, придавая особое значение некоторым своим распоряжениям, рекомендовали выставить на видном месте в городе копии некоторых своих писем.

Письма монархов во всем античном мире писались по определенным правилам; их составляли образованные чиновники, заведовавшие деловой перепиской в царской канцелярии. Эту должность нередко занимали риторы (Миллер, 1967, с. 9). Среди эпиграфических памятников Боспора есть несколько писем местных царей. Старшее из них написано от лица Полемона в конце I в. до н.э. и обращено к Совету и народу Херсонеса (IOSPE I². 704). К сожалению, сохранился лишь обломок стелы с традиционным обращением царя, которое употреблялось в отношении городов, пользовавшихся правом самоуправления; о содержании письма можно высказывать лишь предположения, исходя из сведений о политической обстановке того времени (Зубарь, 2004, с. 43). Так же незначительные остатки уцелели от царских рескриптов на стелах из Пантикапея и Горгиппии (КБН. № 836, 1050, 1207; Яйленко, 2010, с. 296- 309).

Только два рескрипта Аспурга на мраморной стеле из Горгиипии дают возможность хорошо представить, каковы были официальные письма боспорских царей. Они составлены по принятым в то время трафаретам: письмо пишется от первого лица и начинается с обращения монарха к своим чиновникам, затем излагается основание для издания распоряжения, потом следует само постановление, а в заключение передается привет и ставится дата (Блаватская, 1965, с. 201).

Стела с почти полностью сохранившимися копиями двух писем Аспурга, написанных в апреле- мае 15 г. н. э., была вмонтирована в стену храма, стоявшего в центре Горгиипии. Об этом свидетельствуют место находки и высеченный над рескриптами посвятельный текст: «Горгиипияне воздвигли Зевсу Спасителю». Приведем перевод этих писем, сделанный, Т.В. Блаватской в первой публикации этого памятника.

«Царь Аспург, друг римлян, Панталеонту и Феангелу желает здравствовать. Будучи благосклонно расположен к городу горгиипийн и желая воздать им по справедливости, поскольку они проявили себя во многих делах благорасположенными ко мне, особенно когда соблюли себя в полной безмятежности во время путешествия моего к императору Августу, я определяю сообразно данным мною распоряжениям, что на будущее время правила родственного наследования останутся у них неизменными согласно наследственному закону Евпатора. Итак, оплатив опубликование, сделайте это постановление для всех известным сообразно нашему решению. Будьте здоровы. 312 года, месяца Даисия 20-го дня».

«Царь Аспург, друг римлян, Панталеонту и Феангелу желает здравствовать. Так как горгиипиянам, (друзьям моим) я дал освобождение от (уплачиваемых податей) с вина, пшеницы и (ячменя) одной одиннадцатой, с проса же (одной двадцатой, то решил написать) Вам с тем, чтобы вы устроили согласно (моему решению). Будьте здоровы. 312 года, месяца Даисия...» (Блаватская, 1965, с. 200).

В утраченных словах второго письма говорилось о сумме налога на просо и сообщалось о царском распоряжении магистратам. Они выполнили волю царя, заказали стелу с копией царских писем и поместили надпись на стене храма в центре города, чтобы все могли ознакомиться с решениями Аспурга и руководствоваться ими в дальнейшем. Оба документа закрепляли юридические и экономические привилегии, данные царем гражданам Горгиипии, по-видимому, за лояльное отношение к царю во время волнений в других боспорских городах, когда Аспург уезжал в Рим..

Анализируя язык рескриптов, Т.В. Блаватская отметила отличное качество стиля и языка надписей, в которых имеется лишь одна орфографическая погрешность. Это указывает на высокую образованность составителей писем: они обладали хорошей профессиональной выучкой, употребляли специальные формулы и термины, встречающиеся во многих документах разных греческих государств, и в то же время вырабатывали и собственные термины (Блаватская, 1965, с. 198- 202).

В письмах содержатся уникальные сведения о поездке Аспурга к импе-

ратору Тиберию в Рим, где он получил титул «друга римлян» (*amicus populi romani*), что подразумевало заключение дипломатического союза между Римом и Боспором в форме, называвшейся *amicitia*. Мы узнаем имена царских чиновников Панталеонта и Феангела, к которым царь, как было принято, обращается только по имени, не называя их должности. Вероятно, они возглавляли царскую финансовую администрацию Горгииппии и носили звание экономов; в их обязанности входило взимание налогов в царскую казну. Граждане Боспора, как во многих других государствах того времени, облагались поземельной податью в размере, зависевшем от урожая зерновых и винограда. Аспург не отменял, но снижал эти налоги. Видимо такие послабления царь дал только для поземельных налогов, не затрагивая рыболовства, ремесел, мореходства и торговли.

Вероятно, упомянутые чиновники также наблюдали за городскими судами, где разбирались громкие гражданские дела, в том числе процессы о наследстве. Письмо Аспурга свидетельствует, что горожане были недовольны действовавшим законом о наследстве и желали вернуть закон, установленный при Митридате Евпаторе, и царь разрешил это сделать.

Две надписи из Херсонеса и Тиры показывают, что там также пользовались услугами образованных чиновников, умевших вести деловую переписку по законам, принятым в античном мире. Обе надписи представляют образцы переписки гражданских общин Херсонеса и Тиры с наместником Нижней Мезии. Тира одно время входила в состав этой римской провинции, а в Херсонесе стояли римские войска, подчинявшиеся легату Нижней Мезии.

На мраморной плите, найденной в Херсонесе, начертаны копии шести документов; из них три написаны по-гречески и три по-латыни (Ростовцев, 1916, с. 63-69; Соломоник, 1983, с. 20-27). Первое письмо магистратам Херсонеса отправлено наместником Нижней Мезии; второе херсонеситы написали наместнику провинции, третье представляло ответ наместника, четвертое и пятое посланы наместником к Аттилию Примиану, трибуну легиона, командующему херсонесской вексилляцией, и центуриону Валерию Максиму, шестое обращено к этим обоим римлянам. Таким образом, только второе письмо составлено херсонеситом. Оно написано по-гречески, как и ответ наместника. Напомним, что всякий образованный римлянин знал греческий язык. Но к римским военачальникам наместник обращался на латыни, официальном языке империи.

Из этих документов мы узнаем, что публичные дома и отдельные девицы легкого поведения облагались определенным налогом, одна часть которого шла в городскую казну, а другая полагалась римскому гарнизону в оплату за защиту города. Подобные протитуционные подати, как известно из древних надписей, существовали во многих античных городах. Легионеры сочли, что им достается слишком малая доля от налога; они самовольно стали забирать большие суммы и просили легата узаконить их требования. Херсонеситы, со своей стороны, жаловались на незаконные поборы и ссылались на изданные раньше

документы, в которых четко определялась их доля в этом налоге; они просили легата подтвердить их права. Наместник Мезии в своем письме заверил, что римские власти не предусматривали никаких изменений в разделении подати, и приказал находившимся в Херсонесе военным подчиняться ранее изданному императорскому рескрипту. Для того, чтобы соблюдались эти правила, наместник распорядился написать на стеле его переписку с херсонеситами и легионерами.

Надпись из Тиры также содержит переписку с легатом Нижней Мезии; плохо сохранившиеся документы написаны, как и в Херсонесе, на греческом и латинском языках (IOSPE I². 4). В 201 г. легат Овиний Тертулл написал Совету и Народу Тиры по-гречески о том, что на основании рескрипта императора городские власти могут давать права гражданства лишь с согласия легата провинции Нижняя Мезия, в состав которой входила Тира. В письме жителей Тиры наместнику излагалась просьба о подтверждении их прав беспошлинной торговли.

В приведенном нами обзоре античных писем из Северного Причерноморья упомянуты все опубликованные наиболее информативные тексты. Они показывают, как, начиная с архаического периода, письма вошли в повседневную жизнь греков. Часть их написана рядовыми гражданами Борисфена, Ольвии, Никония, Керкинитиды, Херсонеса, Пантикапея, Фанагории и Горгиппии, другие принадлежат перу образованных чиновников Тиры, Херсонеса и Боспора, которые владели правилами составления официальных документов, принятыми во всем античном мире, начиная с эпохи эллинизма. На некоторых свинцовых пластинках можно наблюдать процесс написания письма, так как этот материал допускал возможность стирать написанное. Например, на пластинке из Гермонассы видно, как автор писал правильные буквы на месте сделанных им ошибок (Кашаев, Павличенко, 2011, с. 344).

Конечно, уцелела ничтожная часть переписки греческих колонистов. Но даже имеющиеся немногочисленные письма проливают свет на то, что не освещают другие письменные и материальные источники. Таковы важные свидетельства о деловой, хозяйственной, культурной и судебно-правовой деятельности греческого населения Северного Причерноморья. Мы видим, как переписка вошла в повседневный быт граждан, обладавших школьным образованием. В письмах сохранились особенности языка каждой колонии, а также нигде более не встречающиеся слова и топонимы. Только из писем известно о рабах и рабынях и их купле-продаже в ранний период существования колоний. Уникальные сведения о семьях, живших в наемных помещениях, о находившихся на отдаленных от центра местах алтарях греческих богов и героев, о непосредственных связях Борисфена и Фанагории в VI в. до н. э. Из писем мы узнаем о неприглядной практике подкупа судей и о наличии продажных женщин. Официальные письма первых веков нашей эры написаны людьми с хорошим образованием, они предоставляют важнейшие материалы о царских чиновниках на Боспоре и об отношениях государств Северного Причерноморья с Римской империей.

Поэзия в культуре античных государств Северного Причерноморья

Внимание ученых неоднократно привлекали поэтические тексты на лапидарных надписях и граффити, найденных при раскопках античных городов, поселений и некрополей в Северном Причерноморье. В.В. Латышев, В.В. Шкорпил, Ю.Г. Виноградов, В.П. Яйленко, С.Р. Тохтасьев и другие издатели надписей обстоятельно анализировали язык и поэтические достоинства таких текстов. В отечественной научной литературе есть несколько обстоятельных статей, посвященных исследованию некоторых метрических застольных и надгробных надписей. В этих работах в основном дается оценка отдельных стихотворных произведений и их соотношение с поэзией Эллады (Шебалин, 1976, 108- 11; Доватур, 1992, с. 11- 27; Панченко, 1992, с. 28- 42; Гаврилов, 2005, с. 215- 240). Мы же постараемся показать роль поэзии в повседневной, религиозной и праздничной жизни греков в колониях Северного Причерноморья. Такую возможность дают археологические материалы Борисфена, Ольвии, Херсонеса и Боспора.

В античности поэзия постоянно сопровождала всю сознательную жизнь эллинов. Уже в начальной школе ребенок учился читать отрывки из поэтических текстов и запоминал наизусть отрывки из «Илиады», «Одиссеи» и других эпических поэм. С детских лет греки активно участвовали в различных религиозных праздниках, во время которых исполнялись стихотворные песнопения в честь богов и героев. Во всех более или менее крупных городах существовали театры; там ставили драмы и комедии, написанные стихами. Во время домашних застолий было принято исполнять лирические стихотворения под аккомпанемент лиры или барбитона. Состоятельные эллины устанавливали посвященные и надгробные памятники, снабженные стихотворными текстами. Граффити и лапидарные надписи дают возможность показать, что поэзия в античных городах Северного Причерноморья занимала не меньшее место, чем в других древнегреческих государствах.

Эллины, жившие на северной окраине греческой ойкумены, всегда с детских лет любили и знали эпические поэмы Троянского цикла, и в первую очередь творения Гомера. Свидетельства об этом приведены в предыдущих разделах о школьном образовании. По надписи на чернолаковой солонке, служившей призом за исполнение эпического произведения, можно заключить, что в Пантикапее в IV в. до н. э. устраивали состязания в декламации эпических поэм (Блаватский, 1964, с. 93, рис., 28). Два стиха, написанных хореем на обломке черепицы III- II вв. до н. э., представляют редкое свидетельство о знакомстве херсонеситов с каким- то известным в эллинистический период стихотворным произведением (Сапрыкин, 1987, с. 94- 101).

Гораздо более обширные сведения сохранились до наших дней о творчестве местных поэтов. Уцелевшие тексты можно разделить на несколько тематических рубрик. К повседневной жизни относятся застольные надписи, с религиозными

праздниками и жертвоприношениями связаны гимны и посвящения богам и героям; отдельную и самую многочисленную группу составляют эпитафии.

Застольные надписи. Несложную краткую метрическую надпись могли составить многие образованные граждане. Древнейшие образцы подобного незамысловатого творчества имеются в археологических коллекциях Березани, Ольвии и Таганрогского поселения. Таково граффито середины VI в. до н. э. на ионийском светильнике, привезенном в Борисфен: «поскольку я светильник, то и служу богам и людям». Как отметил В.П. Яйленко (1982, с. 265), это реминисценция из «Илиады» (XX, 64) или из гомеровского гимна (XXXI, 8). Автор надписи, наверное, шутливо приписал скромному светильнику в березанской землянке ту же роль, что и солнцу у Гомера, и выразил свою мысль в размере трохеического тетраметра, правда, не очень удачно (Тохтасьев, 2005, с. 141, № 268). Другое граффито также от имени сосуда обращается к читающему: «Я приятный для питья килик, любезный пьющему вино». Надпись составлена гексаметром и прочерчена между ручками большого чернолакового килика V в. до н. э. из раскопок в Ольвии (Яйленко, 1979, с. 58). Вероятно, стих вырезал хозяин килика, чтобы гости читали эту надпись, когда пили вино. Сходное по содержанию частично уцелевшее граффито VI в. до н. э. написано в манере бустрофидон на обломке амфоры, найденной на Таганрогском поселении (Виноградов, 1991, с. 176-179).

В этих незатейливых стихах чувствуется культурная традиция метрополии. В Элладе с архаического времени были широко распространены надписи, говорящие от лица того предмета, на который они были нанесены. Геродот в своей «Истории» (V, 53-61) сообщил, что он видел в храме Аполлона в Фивах несколько стихотворных надписей, выполненных древним шрифтом. Вот один из гексаметров, который историк списал с дарственного треножника: «Амфитрион меня посвятил, победив телебоев».

Гимны богам и героям. В античных государствах Северного Причерноморья, как и во всей греческой ойкумене, проводилось множество религиозных праздников (Скржинская, 2010), и каждый из них сопровождался пением написанного стихами гимна в честь почитаемого бога или героя. Такие гимны заказывали написать как местным, так и прославленным поэтам из других городов. К настоящему времени известны лишь два текста подобных гимнов, сочиненных, по всей вероятности, местными поэтами в первые века нашей эры.

Херсонесский гимн Гермесу состоит из десяти строк, написанных элегическим дистихом; в нем чередуются строки гексаметра и пентаметра с цезурой посередине (IOSPE I². 436). Текст нанесен на мраморную плиту во II в. н. э. Это был памятник, изготовленный по заказу гимнасиарха Демотела, в качестве благодарственного приношения Гермесу, считавшемуся покровителем гимнасиев и проводившихся там игр. В прозаическом переводе В.В. Латышева слова этого гимна воспроизводились во многих научных изданиях: «...вестника бессмерт-

ных богов владыку земных. Ибо сам он имеет ключи жизни смертных. Посему его зовут многополезным, а иные милостивцем, дарующим богатства, подателем благ и мудрости. Приди милостивым ко всем тем, которые населяют славный город Дора, никогда не забывая блаженных богов. Сын Феофила, гимнасиарх Демотел поставил сей победный дар. Спаси же особенно сей город».

На утраченной верхней части плиты находились начало гимна и, наверное, список победителей на посвященных Гермесу играх в гимнасии, которым руководил Демотел. Автор стихотворения назвал самые известные всем грекам определения Гермеса как вестника богов и обладателя ключей жизни, то есть проводника душ смертных в Аид. В.В. Латышев отметил, что и прочие использованные поэтом эпитеты бога встречаются в греческой поэзии или имеют смысловые аналогии (Латышев, 1909, с. 312).

Мраморная стела I- II вв. н. э. с частично сохранившимся текстом гимна Ахиллу найдена на Березани (рис. 19). Этот гимн так же, как и херсонесский, написан элегическим дистихом; он обращен к Ахиллу Понтарху (владыке Понта), почитание которого в римский период имело государственный характер (Шелов-Коведяев, 1990, с. 49- 62). Вслед за словами «Ахиллу Понтарху благодарственный дар» следуют частично уцелевшие стихи: «О, круглое(?) достояние богов, оплот Ахилла (?), остров, омываемый морем, радующийся волнам! Твою почву в удел получил отпрыск Фетиды, вышняя кровь, Эакид Ахиллес, равный бессмертным богам. Так прими, о Ахилл, жертву и милостив будь, слушая песнь, что вышла из-под нашего пера» (перевод С.Р. Тохтасьева, 2005, с. 145).

Вероятно, поэт сочинил гимн для исполнения во время жертвоприношения у знаменитого храма Ахилла на острове Левка, называвшегося также Ахилловым. Описание острова в гимне перекликается с рассказами о том, что, по желанию Фетиды, Левка на Понте Евксинском была создана специально для обитания духа ее погибшего сына (Arrian. Peripl. 32; Philostr. Her. XXIX, 9). Наверное, этот гимн впоследствии стали исполнять и на праздниках, проходивших в Борисфене, на месте которого найдена надпись. Ведь Ахилл всегда был особо почитаемым героем в Ольвийском полисе, на территории которого найдено более сорока посвящений Ахиллу Понтарху, часть из них обнаружена на Березани (Тохтасьев, 2005, с. 146- 149, № 271- 273).

Посвящения богам и героям встречаются на постаментах статуй, на посвячительных стелах, на оборонительных сооружениях и др. Чаще всего их писали прозой, но в IV в. до н. э. в Ольвии и на Боспоре некоторые такие надписи сочиняли элегическим дистихом. Две ольвийские надписи посвящены спасающему город от опасностей Зевсу Элевтерию (освободителю), одна находилась на оборонительной башне, другая на пьедестале статуи знатного ольвиополита Еврисивия (Виноградов, 1989, с. 135- 136). Третья частично уцелевшая надпись была вырезана на постаменте статуи ольвиополита, освободившего город от тирана. По мнению Ю.Г. Виноградова, местный поэт сочинил эпиграмму по

образцу широко известной стихотворной надписи Симонида на аттическом памятнике тираноборцам Гармодию и Аристоклиту (Виноградов, 1989, с. 141- 147).

На постаменте утраченной статуи сохранилась эпиграмма, написанная боспорским поэтом от имени царя Левкона; в ней говорится о победе над войском синдского царя Гекатея и о том, что памятник посвящен Аполлону и поставлен по обету царя. Так же, как и в ольвийской надписи на памятнике тираноборцу, здесь видно влияние Афин на культуру колоний Северного Причерноморья в конце V- IV вв. до н. э. (Яйленко, 2004). Боспоряне говорили на ионийском диалекте своей метрополии Милета. Однако стихотворение написано на чистом аттическом языке, как и многие боспорские надписи этого времени. Наверное, автор стихов, сочиненных по заказу царя, совершенствовал свое образование в Афинах, подобно своему соотечественнику Сопеиду, учившемуся у прославленного оратора Исократа (Dion. Hal. Isocr. 18).

Еще одна стихотворная боспорская надпись, вероятно, ошибочно считается надгробной, а не посвячительной (КБН. 113). Подобно Левкону, некий Фаномах поставил по обету статую своего отца, посвятив ее Аполлону. Сходные посвящения богам, правда, написанные не в стихотворной форме, нередко встречаются на Боспоре (КБН 6-14; 971, 972, 974, 1037- 1044).

Стихотворные эпитафии в некрополях античных государств Северного Причерноморья появились уже в период архаики, но долгое время они были здесь редкостью, а тексты метрических надписей сочиняли не местные поэты. Древнейшая из известных теперь таких надписей найдена на Березани. Она находилась на известняковой стеле, установленной на могиле гражданина Борисфена в третьей четверти VI в. до н. э. Текст эпитафии написан гексаметром на ионийском диалекте от имени самого памятника: «Меня, памятник погибшего Мастора, сына Берта, поставил Аристоним». Стелу украшало изображение головы воина в шлеме (Яйленко, 1982, с. 262- 265). Надгробие сделано в метрополии по заказу Аристонима, вероятно родственника умершего Мастора. Ведь в столь раннее время в Северном Причерноморье еще не было специалистов, умевших вырезать рельефы и надписи. Они появились здесь позже и сначала были выполнены неумело, о чем свидетельствуют древнейшие ольвийские надписи V до н. э. (НО. 1-5).

Мраморная стела на могиле Леокса была заказана в метрополии и доставлена в Ольвию в самом начале V в. до н. э. Рельеф юноши, украшающий памятник, изготовлен хорошим ионийским скульптором. Надпись составлена элегическим дистихом, и подобно предыдущей написана от лица стелы, как бы говорящей с читающим эти слова. Вот как она звучит в русском переводе Ю.Г. Виноградова (1989, с. 89), сохранившего размер подлинника:

Памятник доблести, я говорю, что, вдали за отчизну

Жизнь отдавши, лежит сын Мольпагора Леокс.

По всей вероятности не местному поэту принадлежит и древнейшая метрическая эпитафия из Херсонеса, хотя и выполнена она почти на два столетия поз-

же. Э.И. Соломоник (Соломоник, Антонова, 1974, с. 97) перевела ее в размере подлинника:

Сыну воздвиг своему усопшему Лесханориду

Эту гробницу отец, врач с Тенедоса Эвклес

Врачи отец и сын приехали в Херсонес, вероятно, по приглашению властей города. Так как среди многих известных сейчас херсонесских эпитафий этого времени нет стихотворных, можно предположить, что надпись составил отец; ведь профессия врача в то время предполагала высшее образование, в котором гуманитарная составляющая играла важную роль.

И в дальнейшем эпитафии, как это было принято во многих греческих государствах (Griechische Vers – Inschriften, 1955), местные авторы писали обычно либо гексаметром, но чаще элегическим дистихом. Лишь в нескольких боспорских эпитафиях римского времени использован ямбический триметр (КБН. 119, 130, 134, 142), вероятно, этим размером была написана одна плохо сохранившаяся херсонесская эпитафия (НЭПХ. 185).

Сочинить несколько строк гексаметра или элегического дистиха мог не только поэт, но и просто хорошо образованный человек, так как в составе любого античного образования поэзия всегда играла заметную роль. Поэтому написанный в IV н. э. элегический дистих на надгробном памятнике ольвиополиита Эпикрата с большой долей вероятности принадлежит перу соотечественника умершего (Козуб, Белецкий, 1977, с. 173): «О, Эпикрат, Исократ дитя. Над могилою стела // Памятник это, хотя рано в могилу тебе». То же самое можно сказать и о двух ольвиских стихотворениях эллинистического времени на могилах Мойродора (IOSPE I². 226) и девочки Партениды (Денисова, 1988, с. 251- 256).

Из ольвийского некрополя сохранилось всего четыре стихотворные надписи, приведенные выше. Гораздо больше их найдено в Херсонесе. Кроме упомянутого надгробия Лесханорида, все опубликованные до настоящего времени херсонесские эпитафии сочинены в первые века нашей эры, когда стелы с богатыми рельефными изображениями и стихотворными надписями получили широкое распространение по всему греческому миру. Старшая из таких херсонесских метрических надписей сохранилась на мраморной стеле Ксанфа, сына Лагорина (IOSPE I². 482), она датируется рубежом I в. до н. э. – I в. н. э.:

Странник, скрываю собою я Ксанфа, который,

Был утешеньем отца, родины юной красотой,

Сведущим в таинствах муз, безупречным средь сонма сограждан,

Чтимым меж юношей всех, светлой звездой красоты.

В битве за родину был он завистливым сгублен Ареем,

Сирым родителям слез горький оставивши дар.

О, если больше Плутону, чем вам достаются на радость

Дети, зачем вы в родах мучитесь, жены, тогда?!

Перевод К.М. Колобовой

В корпусе В.В. Латышева опубликовано восемь херсонесских метрических эпитафий (IOSPE I². 479, 482, 485, 516, 519, 527, 546, 716), Э. И. Соломоник добавила к ним две (НЭПХ. 58, 185), и за последние годы археологи обнаружили еще несколько таких памятников (Макаров, 2009, с. 113- 121). Среди этих текстов есть образцы массовой литературной продукции, а также написанные по заказу стихи профессиональных поэтов. К числу последних относится стихотворение из 19 строк; вырезанное на мраморной стеле; ее поставили в III в. н. э. на могиле умершей в молодости Ойнанты, дочери Главкия (IOSPE I². № 519). К хорошим образцам поэтического творчества следует отнести уже цитированные стихи на памятнике Ксанфа или надпись I-II вв. н. э. на стенке саркофага Исигоны (IOSPE I². 516).

Можно думать, что за сочинение профессионального поэта надо было немало заплатить. Поэтому херсонеситы часто обращались к ремесленникам. Образцы их творчества представлены на группе надписей, содержащих весьма посредственные и просто плохие стихи. Их сочиняли малообразованные люди; они употребляли штампованные формулы и постоянно нарушали стихотворный размер, не умея верно соблюсти долготу и краткость слогов. Ведь в римский период музыкальное ударение в повседневном живом греческом языке изменяется на динамическое, при котором пропадает различие между долгими и краткими гласными. Поэтому на слух уже трудно правильно составить метрическую надпись, чем и объясняется появление таких неумелых, якобы стихотворных текстов. Выразительный пример подобного рода читаем на одном херсонесском надгробии III в. н. э. (IOSPE I². 479).

Сходная картина поэтического творчества наблюдается на Боспоре. Здесь стихотворные эпитафии встречаются гораздо чаще, чем в Херсонесе и Ольвии. Они были особенно популярны в среде жителей Пантикапея; в его некрополях найдено около сорока таких надписей; несколько метрических эпитафий обнаружено в Нимфее и в городах на азиатской части Боспора. Большая их часть опубликована в 1965 г. в «Корпусе боспорских надписей» (№ 114- 151; 991, 992, 1017, 1057, 1058, 1192), а найденные позже появлялись в разных изданиях (Болтунова, 1977, с. 25; Иванчик, Толстикова, 2007, с. 107-117; Яйленко, 2010, с. 543- 544). Древнейшая из них написана одной строкой гексаметра на известняковой стеле, поставленной на могиле некоего тавра Тихона в V в. до н. э. (КБН. 114). К классическому периоду относится еще одна эпитафия (КБН. 115), несколько надписей датируются III-I вв. до н. э., а основная масса таких эпитафий, как и в Херсонесе, написана в первые три века нашей эры. Их составляли главным образом профессиональные сочинители, удовлетворявшие непритязательные вкусы своих заказчиков. Они постоянно использовали литературные клише и могли повторять ранее сочиненные ими стихи, лишь изменив имя погребенного (см. КБН. 127 и 129). Вот прозаический перевод пантикапейской эпитафии, состоящей из штампов, в которые вставлены сведения об умершем и

его воспитателе, позаботившемся о памятнике на могиле своего подопечного: «Когда мне дважды исполнилось десяток лет, я ушел в место благочестивых в Аиде. Эту надгробную стелу поставил воспитатель. Здравствуй, если закончил читать, да завершишь свой путь!» (Иванчик, Толстиков, 2007, с. 107).

Среди боспорских эпитафий есть и принадлежащие перу авторов, хорошо знавших поэзию и употреблявших слова и выражения из известных стихотворных произведений. Это хорошо показал В.В. Шкорпил на примере анализа эпитафии Стратоника, сына Зенона (КБН. 145); автор стихотворения хорошо знал эпическую поэзию и использовал выражения, параллели к которым можно найти у Гомера и Гесиода (Шкорпил, 1914, с. 71- 75). Уникальный для Северного Причерноморья случай сочетания двух разных стихотворных размеров в одной эпитафии представлен на надгробном памятнике Феофилы, жившей на рубеже I в. до н. э. - I в. н. э. (КБН. 130). В 14 строках за четырьмя стихами в размере элегического дистиха следуют четыре ямбических стиха и снова элегический дистих. А.И. Доватур предпринял подробный филологический анализ этого стихотворения в контексте поэтических образов, употреблявшихся на надгробных надписях из других греческих городов. Исследователь пришел к выводу, что автор стихотворения был не лишен поэтического таланта. Он начал свое произведение с традиционного мотива скорби о смерти юной девушки, не успевшей вступить в брак; ее похитил бог подземного царства, чтобы сделать своей супругой, и утешением для родителей будет вера, что их красавица дочь станет женой бессмертного бога (Доватур, 1992, с. 11-27).

Эпитафия Аполлония написана в II – I вв. до н. э. профессиональным поэтом, использовавшим редкий для местных стихотворных произведений размер ямбического триметра (КБН. № 119). После традиционных начальных слов «Аполлоний, сын Аполлония, прощай» следуют 13 стихотворных строк, составляющих одну из наиболее длинных боспорских метрических надгробных надписей. В прозаическом переводе В.В. Латышева она звучит так: «Ты неоплаканный сошел к Аиду, испутив ветрам дух под вражеской рукой, а твоя супруга стонет в слезах, восприяв нежданную скорбь. Погибла твоя красота, угасла прелесть, улетел разум., все полно горя: в твоём лице сломлен единственный канон доблести. Но если веретено Мойр и завертело тебя, наткнувшегося на страшное варварское копьё, то ныне тебя примет не мрачный дом Аида, а обители героев: ибо тебе, Аполлоний, и прежде была положена почетная слава, и теперь, после смерти воздается всяческая почесь». Как и в эпитафии Феофилы, поэт утешает близких умершего мыслью о том, что в загробной жизни погребенного ждет счастливая участь. Недавно А.К. Гаврилов (2005, с. 239- 240) предпринял весьма подробный филологический анализ этого стихотворения. Он показал, что автор ради просодического удобства использовал слова в формах как аттического, так и ионийского диалектов, а в слоге стихотворения чувствуется навык в употреблении поэтического языка

и обнаруживается знакомство с философскими сочинениями, а также умение пользоваться яркими стилистическими приемами.

К серьезным поэтическим произведениям, по мнению Д.В. Панченко, следует отнести эпитафию Гекатея, жившего во II – I вв. до н. э. (КБН. 121). Два элегических дистиха представляют целостный торжественный текст, сложенный не из общих мест, а из продуманных и прочувствованных представлений. «Ты запечатлел славу мудрости не словом, а жизнью, познав сам священные решения. Итак, Гекатей, покоясь во цвете лет, знай, что ты скорее избежал круга мучительных страданий» (Панченко, 1992, с 28- 42).

Стоит отметить остроумно и в то же время горестно составленную одну строчку гексаметра на могиле II-III вв. н. э: «Напрасно ты, узнав горькую смерть, назывался Гликарион», то есть тебе, испытавшему горькую участь, неверно дали имя Гликарион, означающее сладостный, приятный (Шебалин, 1976, с. 108- 111).

Собранные нами стихотворные произведения показывают, сколь неравномерно дошедшие до нас сведения освещают роль поэзии в жизни античных государств Северного Причерноморья. Больше всего оказалось известно о творчестве тех, кто писал эпитафии, так как их вырезали на камне. Благодаря уцелевшим граффити можно составить определенное представление о застольных стихах, звучавших во время приема гостей. На нескольких надписях можно прочесть стихотворные посвящения и отрывки текстов из религиозных гимнов.

В сохранившейся античной литературе отсутствуют произведения поэтов из Северного Причерноморья. Лишь Дион Хрисостом в «Борисфенитской речи» (XXXVI, 10) упомянул об ольвийских поэтах, которые писали в гомеровском стиле и читали свои стихи перед тем, как граждане отправлялись на войну. О знании многих жанров поэзии на северной окраине греческой ойкумены можно говорить, лишь исходя из косвенных свидетельств. Огромное количество надписей и граффити указывает на широкое распространение грамотности и на наличие здесь школ. В античной школе наряду с эпическими поэмами учили и лирические стихотворения прославленных поэтов (Марру, 1998, с. 229). Достоверно известно о наличии театров в Ольвии, Херсонесе и городах Боспора (Скржинская, 2010, с. 193- 200). Там, безусловно, ставили пьесы, написанные стихами, и их приходили смотреть все граждане. Кроме того, в театрах большинства греческих городов, начиная с эпохи эллинизма, проводили мусические состязания, во время которых соревновались поэты, писавшие в разных жанрах (Герцман, 1995, с. 166- 177). Имена победителей записывали на каменных стелах и выставляли около театра. К сожалению, в Северном Причерноморье сохранился лишь один фрагмент такой надписи римского времени, найденной в Херсонесе (IOSPE I². 433; НЭПХ. 127 б, в). В ней говорилось о состязании поэтов, писавших комедии, энкомии (хвалебные стихотворения) и эпиграммы. На подобные состязания приглашали не только своих граждан, но и профессиона-

лов из других городов, о чем свидетельствуют множество надписей из разных греческих областей. Таким образом, жители города знакомились с произведениями разных поэтических жанров, написанных не только местными поэтами.

Итак, даже имеющиеся отрывочные свидетельства убеждают нас, что на протяжении всей античности поэзия занимала важное место в культуре античных государств Северного Причерноморья. С детских лет здесь знакомились с классическими образцами поэтического творчества. Праздники сопровождались исполнениями гимнов в честь богов и героев, в театрах устраивались состязания поэтов, на которые собирались свободные жители государства. Каждый грамотный человек читал стихи на посвященных памятниках и на стелах с эпитафиями. Местные поэты наряду с классиками знали творчество своих современников и использовали эти образцы в своих произведениях.

Заключение

Проведенный нами анализ разнообразных эпиграфических источников, а также некоторых литературных и археологических памятников позволяет заключить, что, начиная с V в. до н. э. вплоть до первых веков нашей эры, школьное образование стало насущной необходимостью для полноценной жизни граждан во всех античных государствах Северного Причерноморья. В семьях свободного неполноправного населения сыновьям также стремились дать хотя бы начальное образование.

Отсутствие источников об образованных гречанках на северных берегах Понта косвенно указывает, что здесь, как и во всей греческой ойкумене, большинство женщин не владело грамотой. Не случайно ни одно из местных граффити нельзя с уверенностью считать написанным женщиной. Жизнь девочек и взрослых женщин проходила в основном в стенах дома. Для навыков вести домашнее хозяйство (готовить пищу, прясть, ткать, наблюдать за порядком в доме) дочерям достаточно было перенять опыт матери и других старших членов семьи. Вероятно, некоторые девочки, особенно в состоятельных семьях, умели читать и писать, получая домашнее образование, но это было скорее исключением, чем правилом. Такие исключения в Элладе известны уже в архаическое время. Достаточно напомнить стихи, написанные Сафо во второй половине VII в. до н. э.

Античные авторы сообщают, как женщины из бедных семей зарабатывали средства к существованию. Они занимались мелкой торговлей, становились повитухами или кормилицами и няньками в состоятельных семьях, а в сельской местности работали в поле, на винограднике или огороде. Для всех этих видов деятельности не требовалось владеть даже элементарной грамотой. Мужчины же могли использовать свои школьные знания для заработка. Так, потеряв имущество, человек мог стать школьным учителем или глашатаем. Более высокое образование стало необходимым для исполнения разных государственных

должностей, а специализированное высшее образование приносило немалый доход архитекторам, врачам, руководителям философских и риторских школ.

В большинстве семей подросток, овладев в школе грамотой, становился помощником отца в его мастерской или на сельскохозяйственных работах, либо мальчика отдавали учиться какому-нибудь ремеслу на сторону. В дальнейшем он проявлял свою грамотность при необходимости написать небольшое письмо, а также участвуя в общественной жизни государства. Например, в Херсонесе граждане писали имя лица, которого следовало изгнать из полиса (Виноградов, Золотарев, 1999, с. 106- 114). Школьные знания давали возможность сделать краткую запись, чтобы чего-нибудь не забыть. Множество граффити показывают, что в ежедневной жизни греки делали для себя на память всевозможные небольшие заметки, а также наносили имена богов на сосуды, которые они посвящали в храмы. Чаще всего имя бога писалось сокращенно и довольно небрежно, гораздо реже вырезали несколько слов ясно и аккуратно (рис. 20, 21).

Благодаря умению читать, можно было ознакомиться с законами, почетными декретами и другими постановлениями Народного собрания. Их тексты, написанные на деревянных или металлических досках, либо на каменных стелах, выставлялись на видном месте в городе. Это имело и практическую пользу, особенно при обращении в суд, что нередко случалось в жизни многих эллинов. По сохранившимся судебным речам знаменитых ораторов Лисия, Демосфена, Исократы и других можно узнать, какие дела слушались в античных судах. Там постоянно разбирались имущественные тяжбы наследников; судьи разрешали всевозможные денежные споры, выносили решения относительно жалоб на злоупотребления опекунов, налагали штраф за избивание одного гражданина другим; постоянно рассматривали иски купцов, особенно связанные с займом денег под проценты. Таким образом, большинству граждан случалось выступать в роли истца, ответчика или свидетеля, для чего требовалось быть грамотным человеком.

Приобретенные в школе знания поэзии помогали понимать и ценить стихи пьес, ставившихся в театрах Северного Причерноморья, а также проникать в смысл образного языка гимнов богам, исполнявшихся на религиозных праздниках. В течение всей античности благодаря школьным упражнениям граждане античных государств на северных берегах Понта могли хорошо понимать «Илиаду», «Одиссею» и прочие эпические поэмы, а также стихи и прозу архаического и классического времени, хотя разговорный язык был весьма далек от лексики этих произведений. Поэтому рассказ Диона Хрисостома о том, что все ольвиополиты знали «Илиаду», косвенно свидетельствует о наличии школы и об определенной образованности широкого круга граждан Ольвии в первые века нашей эры.

Как и во всей Элладе, большинство жителей Северного Причерноморья не были любителями чтения книг. Недаром Дион Хрисостом выделил среди ольвиополитов лишь одного знатока сочинений Платона. Чтением литературных

и философских произведений занимались в основном люди с высшим образованием. Мраморная статуя из Пантикапея изображает одного из таких боспорян, у ног которого находятся книги в свитках (рис. 11).

Постоянное общение с сочинениями классиков считалось необходимым для политических деятелей, в первую очередь для их практики произнесения речей перед народом. Об этом подробно писал Дион Хрисостом (Or. XVIII) в своем послании «Об упражнении в искусстве речи», которое он подготовил для не названного по имени государственного деятеля. Можно с уверенностью полагать, что подобными советами риториков читать определенные книги пользовались и те, кто достигал высоких государственных должностей в Тире, Ольвии, Херсонесе и на Боспоре.

Чтение больших текстов в античности было трудоемким занятием и требовало постоянной практики. Ведь между словами отсутствовали пробелы, и их надо было самому разделять, при этом деление зачастую могло быть неоднозначным. Предложения не имели пунктуации, так что читатель сам выделял различные обороты речи и определял, содержится ли в предложении утверждение, восклицание или вопрос. Поэтому состоятельные люди держали образованных слуг, которые читали им вслух и записывали то, что требовалось хозяину (Plin. Ep. III, 5; Dio Chrys. XVIII, 6). Изображение такого слуги включено в композицию фрески из склепа в некрополе Горгиппии; молодой человек с табличкой и стилем стоит рядом с креслом, на котором сидит мужчина в плаще (Алексеева, 1984, табл. 42).

Греки и римляне читали все написанное вслух. Письменность для них была примерно тем же, что ноты для нас. Они дают возможность сохранить надолго сочинение композитора, но их надо воспроизвести на музыкальном инструменте, чтобы услышать замысел автора. Хотя есть люди, которые, читая ноты, слышат про себя музыку, все же и они знают, что настоящее звучание возможно только воплощенное в звуки инструментов. Так и в древности считалось, что записанный текст должен быть озвучен. Блаженный Августин в IV в. н. э. в своей «Исповеди» (VI, 3) с изумлением писал, что Амвросий Медиоланский читал одними глазами и даже не шевелил губами и языком. На этом примере видно, что чтение про себя стало распространенным явлением только в средние века.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева Е.М.* Горгиппия // Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984.
Анохин В.А. История Боспора Киммерийского. Киев, 1999.
 Античная скульптура Херсонеса. Киев, 1976. (АСХ).
Белов Г.Д. Херсонес Таврический. Л., 1948.
Берзин Э.О. Горгиппийский агонистический каталог // СА. 1961. № 1.
Блаватская Т.В. Рескрипты царя Аспурга // ВДИ. 1965. № 2.
Блаватская Т.В. Из истории интеллигенции эллинистического времени. М., 1983.

Блаватский В.Д. Пантикапей. М., 1964.

Болтунова А.И. Надгробная эпитаграмма жены Дия // История и культура античного мира. М., 1977.

Борухович В.Г. В мире античных свитков. Саратов, 1976.

Буркерт В. Аполлон Дидим и Ольвия // ВДИ. 1990. № 2.

Виноградов Ю.Г. Киклические поэмы в Ольвии // ВДИ. 1969. № 3.

Виноградов Ю.Г. Древнейшее греческое письмо с острова Березань // ВДИ. 1971. № 4.

Виноградов Ю.Г. Табличка дикаста из собрания Эрмитажа // Античная балканистика. М., 1987.

Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса. М., 1989.

Виноградов Ю.Г. Остракон с Таганрогского поселения // ВДИ. 1991. № 4.

Виноградов Ю.Г., Золотарев М.И. Херсонес изначальный // Древнейшие государства Восточной Европы 1996-1997. М., 1999.

Гаврилов А.К. Боспорский воин Аполлоний и его поэт // Hurerboreaus. V. 11. Fasc. 2. 2005.

Герцман Е.В. Музыка Древней Греции и Рима. СПб., 1995.

Денисова В.И. Стихотворная древнегреческая надпись из Ольвии // СА. 1988. №1.

Доватур А.И. Краткий очерк грамматики боспорских надписей // Корпус боспорских надписей. М., Л., 1965.

Доватур А.И. Проводы Феофилы // Эгюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 1992.

Зайцев А.И. Культурный переворот в Древней Греции VIII- V вв. до н. э. СПб., 2001.

Зубарь В.М. Религиозное мировоззрение // Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. – VI в. н.э. Харьков, 2004.

Зубарь В.М. Основные этапы развития Херсонеса в середине I до н. э. – первой половине II вв. // Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. – VI в. н. э. Харьков, 2004.

Иванчик А.И., Толстикова В.П. Новая эпитаграмма из Пантикапея // ВДИ. 2007. № 1.

Йегер В. Пайдейя. Воспитание античного грека. Т. 1, 2. М., 1997, 2001.

Глушкина Л.М. Проблемы социально-экономической истории Афин IV в. до н. э. Л., 1975.

Кадеев В.И. Школьное образование и воспитание в Херсонесе в первые века нашей эры // Вестник Харьковского ун-та. № 343. История. Вып. 23. 1989.

Кадеев В.И. Херсонес Таврический. Быт и культура (I-III в. н. э.). Харьков, 1996.

Карышковский П.О. Ольвийские мольбы // Северное Причерноморье. Киев, 1984.

Кацаев С.В., Павличенко Н.А. Письмо из Гермонассы // Боспорский феномен. СПб., 2011.

Козуб Ю.И., Белецкий А.А. Стихотворная эпитафия Эпикрата из Ольвии // ВДИ. 1977. № 1.

Кративина В.Н. Весовые гири из Ольвии // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев, 1980.

Крыжницкий С.Д. Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев, 1993.

Крыжницкий С.Д. Нижнее Побужье в классическое время // Ольвия. Киев, 1999.

Культура населения Ольвии и ее округа в архаическое время. Киев, 1987.

Латышев В.В. Исследования об истории и государственном строе Ольвии. СПбю, 1887.

Латышев В.В. ПОНТИКА. СПб., 1909.

Леви Е.И. Ольвия. Город эпохи эллинизма. Л., 1985.

Макаров И.А. Две метрических эпитафии римского времени из Херсонеса Таврического // ВДИ. 2009. № 3.

Марру А. История воспитания в античности (Греция). М., 1998.

Миллер Т.А. Античные теории эпистолярного стиля. // Античная эпистолография. М., 1967.

На краю ойкумены. Греки и варвары на Северном берегу Понта Эвксинского. М., 2002.

Надписи Ольвии. Л., 1968. (НО)

Нахов И.М. Киническая литература. М., 1981

Нахов И.М. Философия киников. М., 1982.

Неверов О.Я. Античные инталии в собрании Эрмитажа. Л., 1976.

- Неверов О.Я.* Геммы античного мира. М., 1983.
- Панченко Д.В.* Эпитафия Гекатея // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 1992.
- Петерс Б.Г.* Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. Пичикия И.Р. Малая Азия- Северное Причерноморье. М. 1984.
- Ростовцев М.И.* Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1913.
- Ростовцев М.И.* Сирик – историк Херсонеса // Журнал Министерства народного просвещения. 1915. Апрель.
- Ростовцев М.И.* Дело о взимании проституционной подати в Херсонесе // ИАК. 1916. № 60.
- Рубан В.В.* Магістратура агораномів в Ольвії // Археологія. 1982. № 39.
- Русяева А.С.* Милет – Дидимы – Борисфен. Ольвия. Проблемы колонизации Нижнего Побужья // ВДИ. 1986. № 2.
- Русяева А.С.* Эпиграфические памятники // Культура населения Ольвии и ее округи в архаическое время. Киев, 1987.
- Русяева А.С.* Религия и культы античной Ольвии. Киев, 1992.
- Русяева А.С.* Граффити Ольвии Понтийской. Симферополь, 2010.
- Саверкина И.И.* Мраморный саркофаг из Мирмекия // Труды Гос. Эрмитажа. № 7. 1962.
- Сапрыкин С.Ю.* Два граффити на черепице из усадьбы хоры Херсонеса // Античная балканистика. М., 1987.
- Сапрыкин С.Ю., Куликов А.В.* Новые эпиграфические находки в Пантикапее // Древнейшие государства Восточной Европы. М., 1999.
- Сапрыкин С.Ю.* Энкомий из Пантикапея и положение Боспорского царства в конце I – начале II вв. н. э. // ВДИ. 2005. № 2.
- Сапрыкин С.Ю., Масленников А.А.* Граффити и дипинти хоры античного Боспора. Симферополь, Керчь, 2007.
- Сапрыкин С.Ю., Федосеев Н.Ф.* Новые свинцовые пластины с надписями из Восточного Крыма // ВДИ. 2008. № 3.
- Сапрыкин С.Ю., Парфенов В.Н.* ΚΑΙΣΑΡ Ο ΤΟΤΕ. Энкомий из Пантикапея. Домициан или Комод, // ВДИ. 2012. № 1.
- Скржинская М.В.* Скифия глазами эллинов. СПб., 1998.
- Скржинська М.В.* Судочинство в античних державах Північного Причорномор'я // УІЖ. 2009. № 5.
- Скржинская М.В.* Древнегреческие праздники в Элладе и Северном Причерноморье. СПб., 2010.
- Соколов Г.И.* Античное Причерноморье. Л., 1973.
- Соломоник Э.И., Антонова И.А.* Надгробия врачей из Херсонеса // ВДИ. 1974. № 1.
- Соломоник Э.И.* Латинские надписи Херсонеса Таврического. М., 1983.
- Соломоник Э.И.* Граффити с хоры Херсонеса. Киев, 1984.
- Соломоник Э.И.* Два античных письма из Крыма // ВДИ. 1987. № 3.
- Тюменев А.И.* Херсонесские этюды. Херсонесские и ольвийские проксении // ВДИ. № 2. 1950. № 4.
- Толстой И.И.* Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М., Л., 1953.
- Тохтасьев С.Р.* Борисфен- Березань. Начало античной эпохи в Северном Причерноморье. СПб., 2005.
- Тохтасьев С.Р.* Контакты Борисфена и Ольвии с Боспором в архаический период в свете эпиграфических источников // Археологический сборник. № 38. СПб., 2010.
- Уссинг Ж.* Воспитание и обучение у греков и римлян. СПб., 1899.
- Хомчик М.А.* Хірургічні інструменти з Ольвії // Археологія. 1991. № 3.
- Худяк М.М.* Терракоты. // Ольвия. Т. 1. Киев, 1940.
- Шебалин Н.В.* О надписи КБН. № 838 // ВДИ 1976. № 4.
- Шелов-Коведяев Ф.В.* Березанский гимн острову и Ахиллу // ВДИ. 1990. № 3.
- Шкорпил В.В.* Отчет о раскопках в Керчи // ИАК. № 54. 1914.

- Яйленко В.П. Несколько ольвийских и березанских граффити // КСИА. 1979. № 159.
- Яйленко В.П. Граффити Левки, Березани и Ольвии // ВДИ. 1980. № 3.
- Яйленко В.П. Греческая колонизация VII- III вв. до н. э. М., 1982.
- Яйленко В.П. Начальное школьное образование в античных греческих городах Северного Причерноморья // Памятники культуры. Новые открытия. М., 1988.
- Яйленко В.П. Уроженцы Ольвии в духовной жизни Греции // Тезисы докладов Крымской научной конференции «Проблемы античной культуры». Симферополь, 1988 а.
- Яйленко В.П. Человек в античной Ольвии // Человек и общество в античном мире. М., 1998.
- Яйленко В.П. Вотив Левкона из Лабриса // Древности Боспора. Вып. 7. М., 2004.
- Яйленко В.П. Рескрипты боспорских царей // Тысячелетний Боспорский Рейх. М., 2010.
- Beck F. Album of Greek education. Sydney, 1975.
- Ehrhardt N. Milet und seine Kolonien. Frankfurt, Bern, 1983.
- Giuseppe I. The Development of architecture in Nicomedia in IV century BC // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2012.
- Griechische Vers - Inschriften Hrsg. W. Peek. Bd. 1. Grab- Epigramme. Berlin, 1955.
- Guarducci M. Epigrafia Greca. Roma, 1969. T. 2.
- Jones A.H. The Greek City from Alexander to Justinian. Oxford, 1940
- Welles C B. Royal correspondence in the Hellenistic period. New Haven, 1934.

М.В. Скржинська

ОСВІТА В ДАВНЬОГРЕЦЬКИХ КОЛОНІЯХ ПІВНІЧНОГО ПРИЧОРНОМОР'Я

Резюме

Шкільна освіта, починаючи з V ст. до н. е., стала приступною більшості чоловічого населення античних держав. Аж до перших століть нашої ери вона була нагальною потребою для повноцінного життя громадян в усіх грецьких колоніях Північного Причорномор'я. Автор статті використовує численні пам'ятки епіграфіки з розкопок Ольвії, Херсонеса, Тіри й Боспора, а також деякі літературні джерела. Вони надають можливість показати, як освіта допомагала брати активну участь в суспільному житті, грамотно захищати свої інтереси в суді, писати листи й робити необхідні замітки для пам'яті. Шкільні знання були потрібні для оволодіння багатьма професіями, серед яких були учитель, глашатай, каменотес, виконавець написів, секретар колегії або суду, трапезит та інші. Школа відкривала доступ до вищої освіти; звичайно нею володіли державні діячі, філософи, логографи, лікарі, архітектори й автори літературних і публіцистичних творів. Одержані в школі знання поезії допомагали широкому колові глядачів розуміти й оцінювати вірші п'єс, що ставились у театрах Пантікалея та інших міст Північного Причорномор'я, а також розуміти сенс образної мови гімнів богам, що виконувались на численних релігійних святах.

М.В. Скржинская

ОБРАЗОВАНИЕ В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ КОЛОНИЯХ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Резюме

Школьное образование, начиная с V в. до н. э., стало доступно большинству мужского свободного населения античных государств. Вплоть до первых веков нашей эры оно было насущной необходимостью для полноценной жизни граждан во всех античных государствах Северного Причерноморья. Автор статьи привлекает многочисленные эпиграфические памятники из раскопок Ольвии, Херсонеса, Тире и Боспора, а также некоторые литературные источники. Они дают возможность показать, как образование помогало активно участвовать в общественной жизни, грамотно защищать свои интересы в суде, писать письма и делать необходимые заметки на память. Школьные знания требовались для овладения многими профессиями, в числе которых были учитель, глашатай, каменотес, исполняющий надписи, секретарь коллегии или суда, трапезит и другие. Школа открывала доступ к высшему образованию; обычно им владели государственные деятели, философы, логографы, врачи, архитекторы и авторы литературных и публицистических сочинений. Приобретенные в школе знания поэзии помогали широкому кругу зрителей понимать и ценить стихи пьес, ставившихся в театрах Ольвии, Херсонеса, Пантикапея и других городов Северного Причерноморья, а также проникать в смысл образного языка гимнов богам, исполнявшихся на многочисленных религиозных праздниках.

M.V. Skrzhinskaya

EDUCATION IN THE ANCIENT GREEK COLONIES IN THE NORTH PONTIC AREA

Summary

Since the 5th century BC, school education became available to the majority of free male population of the antique states. It was imperative for the full life of the citizens in all antique states of the north Pontic area up to the first centuries of our era. The author uses numerous epigraphic monuments from the excavation of Olbia, Chersonesos, Tyra and the Bosphorus, as well as some literary sources. They provide an opportunity to show how education helped to participate actively in public life, completely defend interests in the court, write letters and make necessary notes. School knowledge was needed to master many professions, which included a teacher, a herald, a stonemason, who made inscriptions, a Board secretary or a court clerk, a trapezit and more. School gave access to higher education: usually states men, philosophers, logographers, doctors, architects and authors of literary and journalistic works received it. Poetry knowledge acquired at school, helped a wide range of spectators to understand and appreciate poetry plays, which were staged in the theatres of Olbia, Chersonesos, Panticapaeum, and other north Pontic cities, as well as to consider carefully the meaning of the figurative language of hymns to the gods, performed at numerous religious holidays.

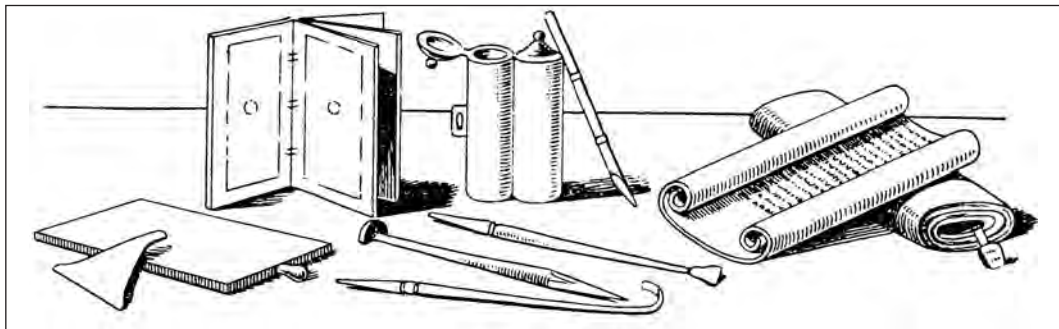

Рис. 1. Античные письменные принадлежности: таблички для письма, стили, треугольный скребок для разглаживания воска на табличках, чернильница с черными и красными чернилами, папирусный свиток.

Рис. 2. Девушка со стилем и табличками в руках. Фреска I в. н. э. Помпеи.

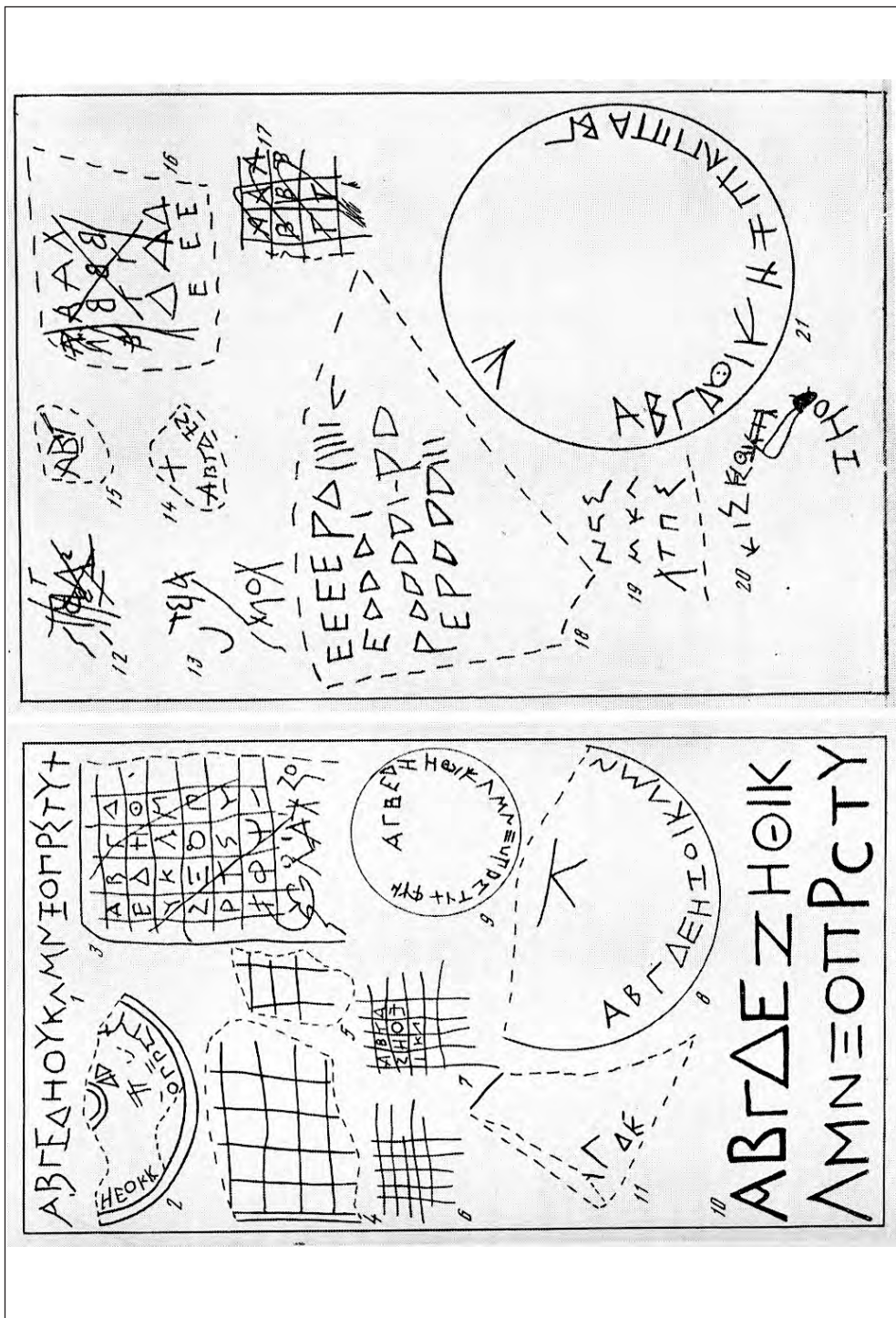

Рис. 3. Граффити со школьными упражнениями из Тира, Ольвии и Феодосии. VI-III вв. до н. э. Прорисовка В. П. Яйленко.

Рис. 4. Письмо Родона Гераку. Конец V в. до н. э.

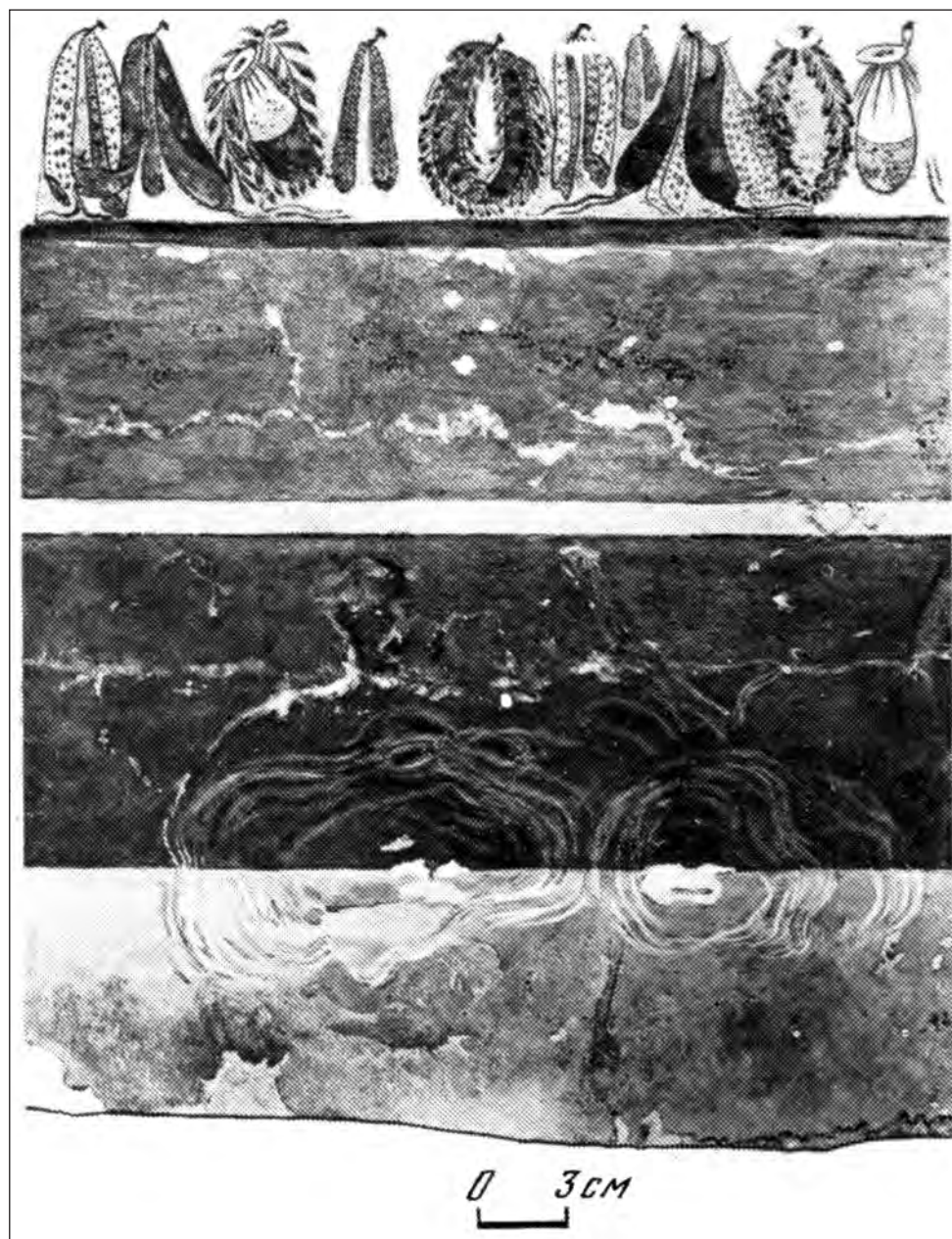

Рис. 5. Фреска из боспорского склепа с изображением принадлежностей атлета. IV в. до н. э.

Рис. 6. Алабастр из раскопок Ольвии. V в. до н. э.

Рис. 7. Обучение литературе и музыке в школе. Краснофигурный килик мастера Дуриса. V в. до н. э.

Рис. 8. Поэты Сафо и Алкей с барбитонами в руках. Краснофигурный кратер из Агригента. V в. до н. э.

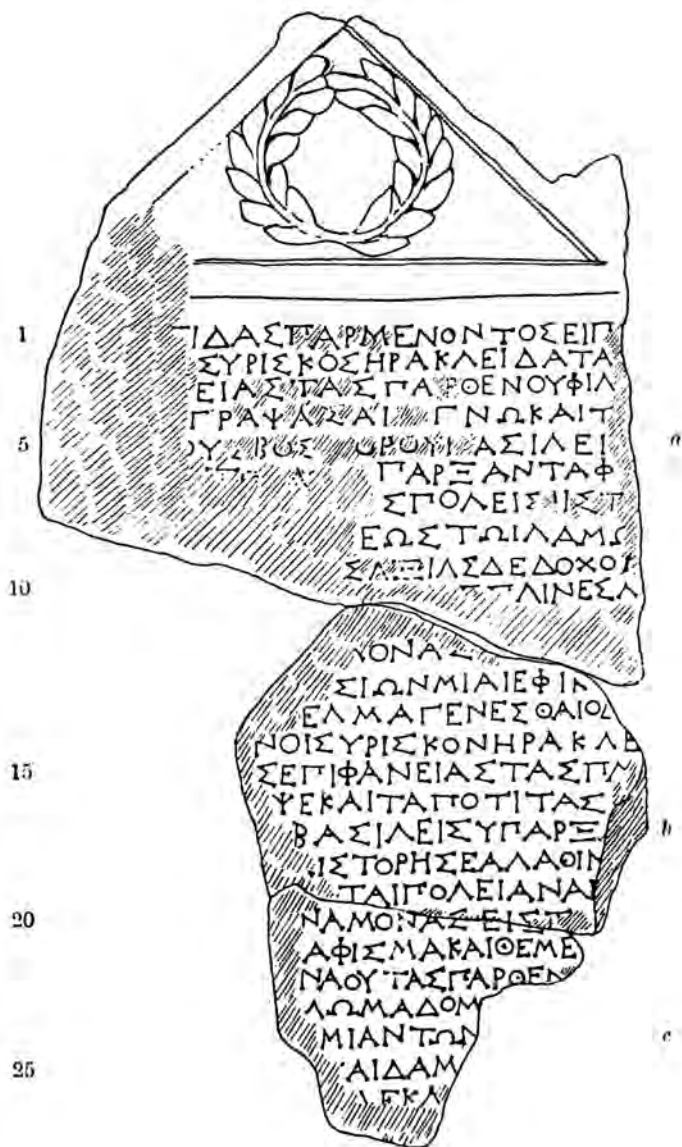

Рис. 9. Мраморная стела с текстом декрета в честь историка Сирииска. III до н. э. Херсонес.

Рис. 10. Демосфен со свитком в руках и корзиной для книг у ног. Реконструкция статуи эллинистического времени.

Рис. 11. Мраморная статуя боспорянина со связкой свитков у ног. Пантикапей. I в. н. э.

Рис. 12. Надгробная статуя херсонесита со свитком в руке. I в. н. э.

Рис. 13. Весовая эталонная гири из Ольвии. IV в. до н. э.

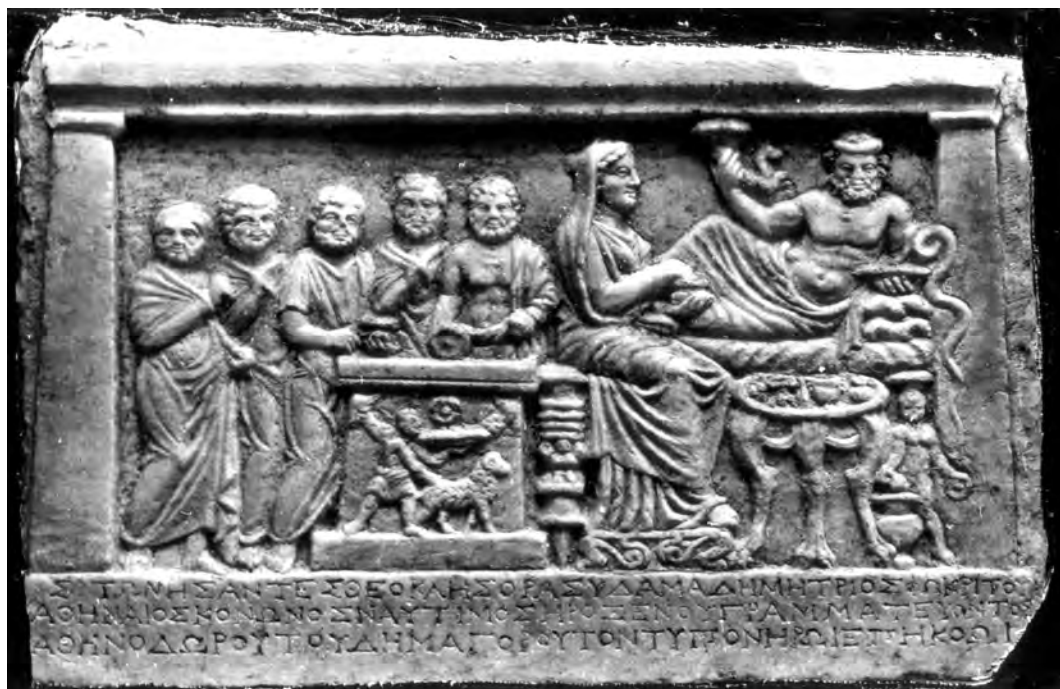

Рис. 14. Мраморный рельеф с изображением секретаря Афенодора среди членов коллегии ситонов. III в. до н. э. Ольвия.

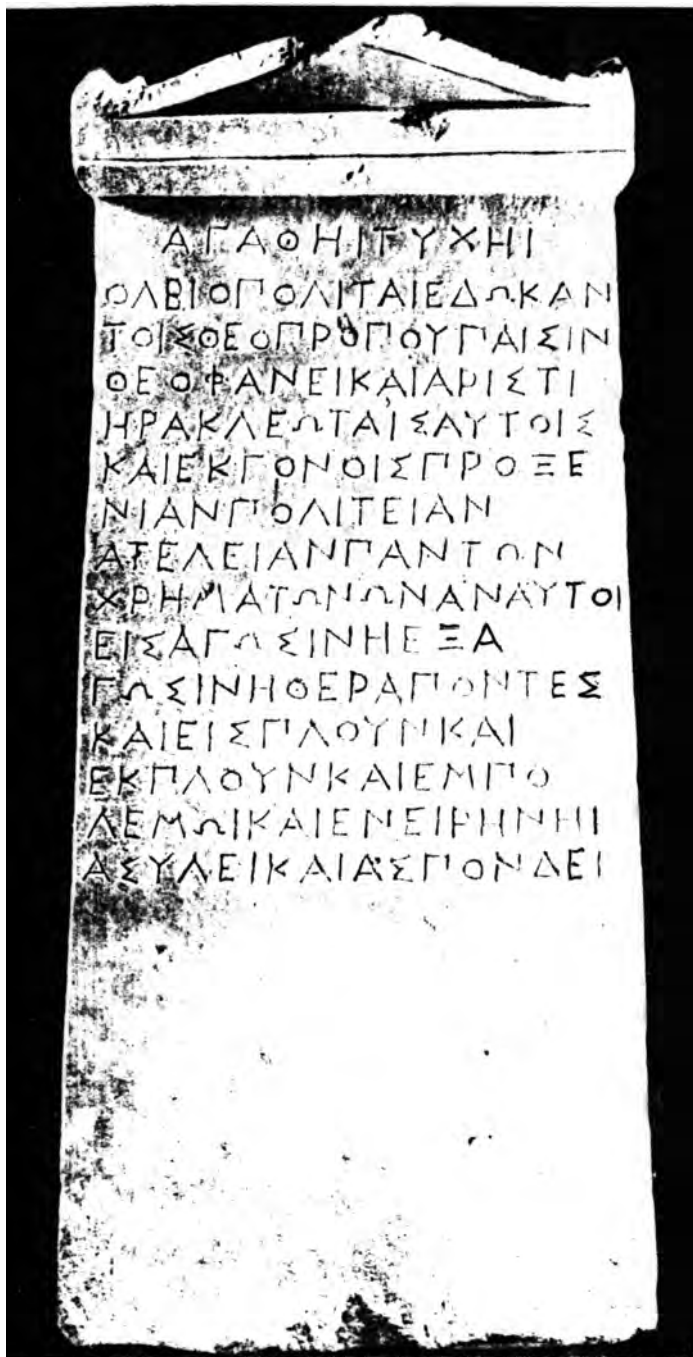

Рис. 15. Мраморная стела с проксенией Феофану и Аристе, гражданам города Гераклеи. IV в. до н. э. Ольвия.

Рис. 16. Оттиск халцедоновой печати с подписью мастера Дексамена. V в. до н. э. Пантикапей.

Рис. 17. Оттиск яшмовой печати с изображением юноши, играющего с петухом. Конец V- начало IV вв. до н. э. Тамань.

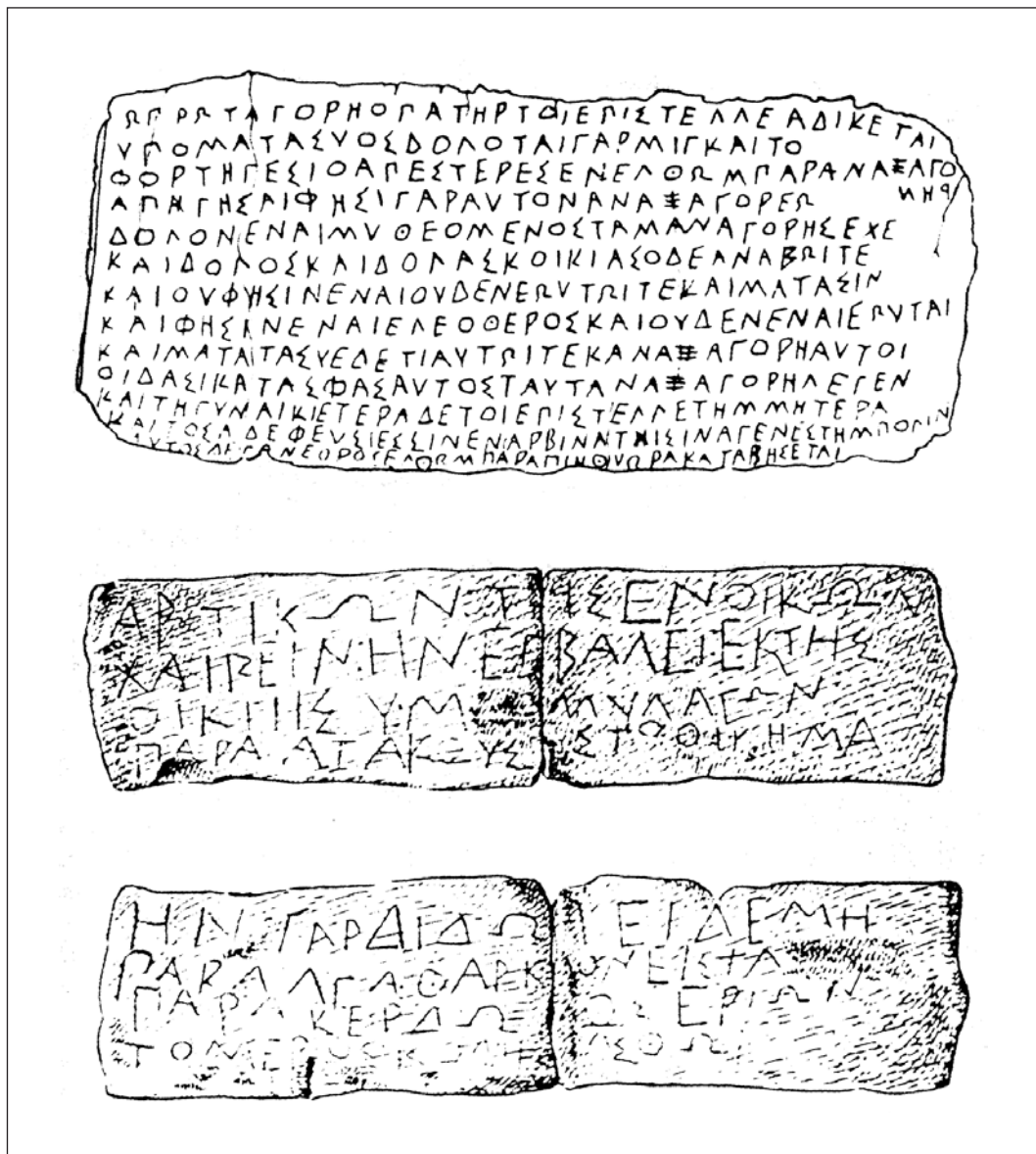

Рис. 18. Ольвийские письма на свинцовых пластинках. VI – V вв. до н. э. Прорисовка Ю.Г. Виноградова.

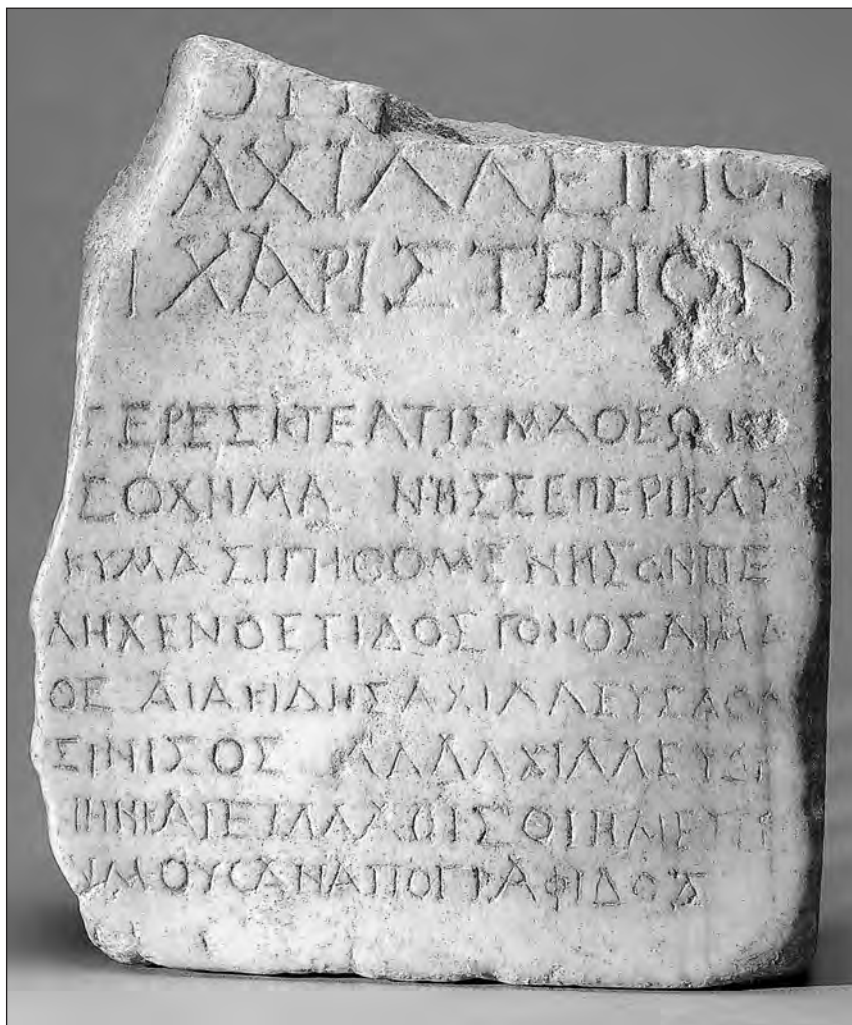

Рис. 19. Текст гимна Ахиллу на фрагменте мраморной стелы, найденной на Березани. I-II вв. н. э.

Рис. 20. Граффити с посвящением Аполлону Дельфинию на киликах второй половины VI в. до н. э. Ольвия.

Рис. 21. Граффито с посвящением Афродите на килике IV в. до н. э. Ольвия.